

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

«Нормандская легенда» переносит читателя в далекое X столетие. Завоеватель Ролло создает на землях северной Франции свое королевство. Его силы полностью подчинены этой задаче, однако все чаще он откладывает меч, чтобы уединиться со своей пленницей — рыжей Эммой из города Байе. Да и Эмма, непокорная и строптивая, все больше думает о захватчике отнюдь не как о враге. Смогут ли соперники Ролло воспользоваться его слабостью? Ведь они уже поняли: могучий Ролло уязвим, когда речь заходит о рыжей Эмме из Байе.

Жестокое время, набеги, морские сражения, запутанные интриги... и великая любовь, выросшая из мрака войн.

...Ролло понимал, какая опасность ожидает Атли, вздумай он вступить в единоборство с разъяренными воинами. Неужели эта проклятая девка так любезна его брату?

— Ведьма! — процедил он сквозь зубы. — Эта рыжая не иначе как околдовала мальчишку, если он готов взять ее после всех тех, кто тешился ею, если готов даже умереть за нее. Да падет на нее проклятье Одина!

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3883-1

9 786171 238831

СИМОНА ВУЛАР

ВЕТЕР < СЕВЕРА

СИМОНА ВУЛАР

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

ВЕТЕР < СЕВЕРА

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

СИМОНА
ВИЛАР

ВЕТЕР С СЕВЕРА

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Иллюстрация на обложке *Романа Ногина*

Шрифтовое оформление *Сергея Ткачева*

ISBN 978-617-12-3883-1

- © Гавриленко Н., 2015, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

К ЧИТАТЕЛЮ

«Ветер с севера» — не традиционный дамский роман, а увлекательный историко-любовный триллер с динамичным сюжетом, романтическая притча с яркими характерами, бурными страстями и добротной исторической основой.

«Темные века» — время колоритное, но мрачное и жестокое. Нашему читателю, наверное, о нем мало известно, но тем оно и притягательно. Действие происходит в IX веке. Главный герой книги, реальный прототип которого — Ролло Нормандский, герой саг и французских хроник, отплывает в свое большое путешествие, чтобы покорить мир. Он сражается, завоевывает земли и, конечно же, любит. В романе действуют отец и сын с одинаковым именем — Ролло. У каждого из них своя судьба, но в жизни каждого происходит роковая встреча с некой графиней из Байе, итог которой непредсказуем. Не оставит читателя равнодушным и другая героиня романа — Эмма по прозвищу Птичка, очаровательная и бесстрашная рыжая bestия.

«Ветер с севера» — полная приключений и интриг повесть о любви и власти, о коварстве и самоотречении, яркая история из тех, которые, будучи прочитанными однажды, останутся с вами навсегда.

ПРОЛОГ

Король Харальд Косматый¹ пировал, отмечая победу над непокорными ярлами² в битве при Хаврсфьорде. Пиршество длилось уже более месяца, мокрую осень сменили зимние снегопады, а викинги Харальда все еще не считали, что достойно отметили великую победу.

В длинном помещении было жарко и душно от пылавшего в очаге огня и человеческого дыхания. В воздухе носились то брань, то хвалебные песни. Гости конунга веселились, повесив свое оружие на вбитые среди тканых ковров железные крюки, — в знак доброй воли и того, что обнажат его только в честном поединке, а не в пьяной драке. Гостей было столько, что хватило бы собрать войско для большого похода викингов. Но сейчас, с набитыми животами, у них не было желания хвататься за оружие, они охотнее вспоминали о былых сражениях.

Все новые и новые блюда водружали рабы на столы пирующих, но пресытившиеся гости больше пили, чем ели; многие, захмелев, падали под столы со скамей, и женщинам, разносившим рога с напитками, приходилось перешагивать через бесчувственные тела героев.

Сам король Харальд восседал на возвышении среди пирующих, раскрасневшийся от браги и вин, в съехавшей до кустистых бровей короне чеканного золота с пламенеющими грубоотшлифованными рубинами. Он улыбался и, щурясь от дыма, слушал, как знаменитый скальд³, держа в руке огромный рог, громко декламировал хвалебную песнь о его победе:

Кто не слышал
О схватке в Хаврсфьорде
Великого конунга?..
Спешили с востока
На битву струги —
Все драконьи пасти
Да острые штевни...

¹ Харальд Косматый, или Прекрасноволосый, (860—940) — владелец норвежской области Вестфольд, который, став конунгом (королем), вел постоянную борьбу с родовой знатью и непокорными викингами за главенство в стране. В битве при Хаврсфьорде (ок. 900) он разбил объединенные силы противников, окончательно утвердив свою власть в Норвегии. (Здесь и далее примеч. авт.)

² Ярл — князь.

³ Скальд — воин-поэт.

Гости конунга, сидя на длинных скамьях вдоль стен, одобрительно галдели, поднимая во славу победителя рог с пивом, и пламя поленьев, горевших в длинных очагах в центре покоя, отбрасывало багровый отблеск на лица воинов.

Харальд улыбался. Теперь его больше не называли Косматым, а величали Харальдом Прекрасноволосым. Когда-то давно, еще честолюбивым юношей, он дал клятву, что не станет расчесываться и стричь волосы, пока не покорит всю Норвегию. И вот теперь наконец-то он достиг своей цели, и его ближайший сподвижник ярл Регнвальд из Мера отрубил длинную косу короля, а раб-цирюльник из далекой Византии по-ромейски гладко выбрил ему щеки, напмадил и завил концы волос. Время исполнить обет пришло. И хотя уцелевшие после поражения викинги и некоторые из ярлов не спешили явиться к нему на поклон, предпочитая отсиживаться в своих вотчинах, Харальд уже знал, что власть в его руках. А на недавнем тинге¹, когда он обрек на пожизненное изгнание молодого смутьяна Ролло, старшего сына самого Регнвальда из Мера, за то что тот осмелился вопреки приказу Харальда собирать страндхут², никто в стране, даже отец Ролло, не посмел воспротивиться воле Харальда.

Да, Харальд знал, что может считать свою власть неоспоримой. И сейчас, вгрызаясь зубами в бараний бок, вытирая руками, унизанными перстнями, текущий по подбородку жир, он чувствовал себя истинным правителем. Посмеиваясь, наблюдал за царящим вокруг весельем. В центре, между пылающими очагами, двое его соратников затеяли веселую возню: забравшись на плечи двум другим своим товарищам, били друг друга мешками с опилками, стараясь свалить противника на землю. Остальные подзадоривали их, крича и стуча кубками о стол. Женщины на дальних скамьях, расположенных перпендикулярно к мужским, визгливо смеялись, тыча в сражающихся пальцами. Неистово лаяли возбужденные суматохой псы. Стоял страшный шум, который, однако, не в силах был разбудить тех, кто уснул во хмелю.

Харальд даже поморщился, когда на него сонно навалился, храпя открытым ртом, Регнвальд из Мера. Отпихнул. Регнвальд лишь рыкнул что-то и свалился под стол, растянувшись между грызущими кости псами. Великий ярл Регнвальд. Соратник и друг, не перечивший своему конунгу, даже когда тот изгонял из страны его сына. Правда,

¹ Тинг — народное собрание на открытом воздухе, где обсуждались важнейшие дела королевства.

² Страндхут — взимание со свободных земледельцев-бондов продовольствия для похода викингов. Король Харальд отменил страндхут.

многие поговаривали, что между отцом и сыном никогда не было родственных чувств. А некоторые замечали, что у них-то и общей крови — не более чем снега в пламени очага, даже намекали на то, кто был истинным отцом смутьяна Ролло. Но так или иначе, а на тинге Регнвальд смолчал. И лишь его жена Хильдис — женщина-скальд из знаменитого рода Рольва Носатого — осмелилась просить за сына.

Хильдис всегда была красавицей. Этому медведю из Мера повезло: взяв в жены женщину прекрасную, как светлый эльф, которая даже с годами не перестала пленять мужской род своей хрупкой красотой. Харальд не раз замечал другу, как тому повезло с женой, но Регнвальд обычно угрюмо отмалчивался и лишь один раз, хватив лишку заморского вина, проболтался, что взял в жены женщину холодную, как одна из дочерей ледяного великана. И тем не менее, кроме Ролло, она родила Регнвальду еще двух сыновей — такого же грубого, неуклюжего, всегда себе на уме, как и отец, Торира Молчуна и хрупкого, болезненного малыша Атли. И все же любимцем Хильдис всегда оставался именно ее первенец — Ролло.

Тогда, после тинга, она явилась к Харальду. Но, как ни умоляла его, как ни плакала, Харальд, которому давно надоели дерзкие выходки и непочтение Ролло, ответил ей отказом. Тогда женщина-скальд сложила такую вису¹, которая стала известна всей Норвегии:

Не напрасно ль Ролло,
Словно волка, крова
Вы лишили, волю
Гневу дав, владыка?
Страшно спорить с лютым:
Людам князя сладить
Едва ли с ним удастся,
Коль в лесу заляжет.

Хильдис оказалась права. Ролло, объявленный вне закона, ушел в горные леса, собрал шайку таких же, как и сам, отчаянных головорезов-изгнанников, и они стали грабить людей Харальда, жечь его усадьбы, разбойничать на дорогах. Давно уже в Норвегии не творилось таких бесчинств, и люди говорили, что рановато Харальд поспешил отрезать свою знаменитую косу, если ему не по силам навести порядок в королевстве, совладать с мальчишкой, которому не исполнилось и двадцати зим. И тогда настоящий отец молодого смутьяна, Регнвальд

¹ Виса — импровизированное короткое стихотворение или строфа в поэзии скальдов.

из Мера, пообещал конунгу изловить непокорного сына и на аркане доставить его к Харальду Прекрасноволосому. Однако его вылазка в горы окончилась бесславно. Ролло первым выследил отца, сжег усадьбу, где тот остановился, вместе со всеми воинами, выпустив лишь женщин и детей. Отпустил он и отца своего, хотя Регнвальд клялся, что предпочел бы погибнуть. Когда местные пастухи увидели, как по каменистой горной тропе спускается жалкая кляча, на которой лицом к хвосту восседает связанный голый человек, на обеих ягодицах которого вырезана перевернутая руна «альгис» — знак поражения, они долго хохотали, но потом, сжалившись, дали несчастному несколько обрывков шкур, дабы он мог прикрыть свой обесчещенный зад. Они и вообразить не могли, что перед ними сам могущественный ярл Регнвальд. Но потом, когда весть об этом разлетелась по Норвегии, многие догадались, кто был тем человеком с исполосованной задницей, ибо все видели, что ярл Регнвальд долгое время предпочитал есть лежа на боку и наотрез отказывался совершать верховые поездки. Но если раны на ягодицах, пусть медленно, но все же зарубцовывались, то уязвленная гордость ярла не заживала. Он был так подавлен, что сам Харальд, желая хоть чем-то утешить друга, отдал ему Оркнейские острова, где тот мог бы править как король. Но Регнвальд отправил туда своего брата Сигурда, ибо сам дал обет не покидать Норвегии и поклялся, что либо изгонит сына за пределы страны, либо собственноручно пронзит его осиновым колом, как оборотня.

Сейчас же Регнвальд храпел, как прирезанный бороз. Мир пьяных сновидений освобождает человека от мучений уязвленной гордости. Король Харальд поудобнее поставил на спящего ногу, а сам глядел туда, где гостей веселили рабыни-танцовщицы, тоже изрядно подвыпившие, разнузданные, визгливо хохотавшие, когда мужчины хватили их, пытаясь перетащить к себе через столы. Было уже за полночь — время, когда знатным и порядочным женщинам следует покинуть пир, оставив мужчин одних.

Как раз в это время Харальд увидел, как одна из его жен, прекрасная Снэфрид, дочь Сваси¹, несет ему последний рог.

На миг Харальду показалось, что и пир, и окружавшие его люди куда-то исчезли. Он видел лишь одну свою красавицу финку. Конунг знал, что многие осуждают его за столь сильное влечение к женщине лапландских кровей, среди которых, как гласит молва, каждая вторая — ведьма. Снэфрид действительно знала руны и заговоры, а так-

¹ Сваси — распространенное финское имя, означающее: финн.

же множество магических обрядов, но Харальд не видел в том большого вреда. Порой, особенно когда за ними закрывались створки их большой, похожей на деревянный ларь кровати, он и сам начинал верить, что она колдунья, ибо ее искусство в любовных делах было таково, что конунгу не хотелось потом и глядеть на других жен и наложниц. Но воистину он не имел ничего против такого колдовства!

Со временем многие привыкли, что загадочная необщительная Снэфрид стала самой близкой для конунга. Поэтому, когда умерла его главная жена, датская принцесса, и он заявил, что во время весенних жертвоприношений заключит со Снэфрид брак по полному обряду¹ и объявит ее своей королевой, большинство ярлов и свободных бондов приняли это как должное. И теперь Снэфрид величали иначе: не низкородной ведьмой, а, точно валькирию, — Снэфрид Сванхвит Снэфрид, Лебязьебелая. Сейчас, когда она несла рог, величаво шествуя среди огней, гомон смолк и скалды только восхищенно бормотали, поднимая кубки: «О земля ожерелий, поляна гривен, калина злата...»²

Снэфрид была высокой, с точеной фигурой. Даже жесткая парча платья и украшенный вышивкой передник, схваченный над грудью драгоценными пряжками, не скрывали вызывающей округлости линий ее сильного тела. Она двигалась медленно, едва отрывая ступни от устланного соломой пола, и при этом все ее тело будто жило своей, необъяснимой, особенной жизнью, притягивая взоры мужчин. Харальд не желал слышать сплетни, которые распускали его недруги: якобы Снэфрид одно время весьма милостиво относилась к мятежному Ролло. Нет, это скорее сам дерзкий мальчишка Ролло, желая позлить конунга, приставал к Снэфрид, пока Харальд не объявил ее во всеуслышание своей женой.

Сейчас же, когда Снэфрид с тихой полуулыбкой остановилась перед конунгом и протянула ему полный турий рог, он внезапно вспомнил их первую встречу, когда он прибыл в усадьбу Сваси и старшая дочь хозяйина Снэфрид вышла ему навстречу, так же предлагая гостю полный рог, а он вдруг осознал, что сойдет с ума, сгорит в жгучем огне, если не утолит с ней вспыхнувшего пламенем желания. А когда старый Сваси заупрямился, не желая класть дочь в постель к требовательному гостю,

¹ В X веке в Скандинавии существовало два вида брака: неполный, без соблюдения всех полагающихся обрядов, и полный — когда женщина становилась полноправной хозяйкой в доме супруга.

² Имеется в виду: воплощение женственности. Подобные иносказательные выражения назывались кенингами.

Харальд уговорил его, предложив купить Снэфрид, — он дал Сваси много золота, сделал его хозяином обширных плодородных земель у побережья и даже усыновил трех его маленьких сыновей, пообещав сделать их ярлами и вырастить со своими кровными детьми. С тех пор он больше не расставался со Снэфрид. Сейчас же, любуясь красотой супруги, Харальд в который раз подумал, что не прогадал при сделке. Он обожал Снэфрид, не мог на нее надыхаться, насмотреться. О, эта ее ласковая, словно полусонная улыбка! Это гладкое и белое, как моржовая кость, лицо, будто светящееся изнутри! У Снэфрид был яркий чувственный рот, тонкий орлиный нос и самые диковинные изо всех, какие ему доводилось видеть, глаза. Миндалевидные, чуть оттянутые к вискам, они придавали лицу женщины хищное рысье выражение, но главное — один глаз ее был аспидно-черным, словно вобравшим в себя весь мрак и мерцание ночи, а другой — светло-голубым, как холодное небо над фьордами в солнечный ветренный день, как снежный отблеск в ночи. И еще у нее были самые прекрасные в мире волосы — светлые, как шкурка белого горноста, вьющиеся тугими завитками, которые поддерживал надо лбом янтарный обруч. Пока Снэфрид была неполной женой Харальда, она не носила этого головного убора замужней женщины и ее великолепные кудри пышными волнами падали до колен, укрывая ее словно плащом. Глядя на нее, Харальд вдруг почувствовал, что уже устал и от пиров, и от еды, и от песен скальдов. Сейчас ему больше всего хотелось запустить пальцы в волосы своей финки, запрокинуть ей голову, прильнуть к мягкому податливому телу.

Тем временем Снэфрид смотрела на мужа в ожидании, протягивая дымящийся напиток, и ее соболина бровь нетерпеливо дрогнула.

— Пей же, мой повелитель! Это горячее вино с восточными пряностями, которые называют корицей и кардамоном.

Харальд принял рог. На этом сосуде когда-то сама Снэфрид вырезала руны-обереги, и он должен был разлететься на части, если бы недруг вздумал опоить конунга. Рог был огромным, его нельзя было поставить на стол, и поэтому волей-неволей приходилось пить до дна. Вино и в самом деле оказалось восхитительным. Прикрыв глаза, Харальд тянул его, слыша, как галдят вокруг викинги. Достойным считался тот, кто, опорожнив такой рог, оказывался в состоянии сидеть и дальше на пиру, сохраняя ясную голову. Харальд же считал себя достаточно умелым в питье и поэтому лишь довольно улыбнулся, возвращая Снэфрид сосуд. Он еще успел различить ее торжествующую улыбку, но сейчас же ему показалось, что все окружающее стремительно удаляется: стих шум, погасло мерцание огней, замолк

перезвон чаш... Будто дым, клубившийся под сводами кровли, опустился вниз, окутав все вокруг. Лишь бледным видением мелькала вдаль светлая фигура Снэфрида. Харальд вяло удивился тому, что вино так мгновенно повлияло на него, но в следующий момент ему уже неимоверно хотелось спать. Голова казалась такой тяжелой, что конунг даже снял венец, надев его, как простой браслет, на руку. Где-то в глубине души шевельнулось смутное беспокойство, но он не решился показать его, чтобы не выглядеть трусом. Ведь он пил из рюга, поднесенного самой Снэфридой!

Среди огней мелькали полуголые тела, сверкало занесенное оружие, раздавалось пение, брнчали струны: воины плясали крока-мол¹. Харальд хотел было присоединиться к ним, но ноги не повиновались ему. Снова появилась какая-то тревога. Вспомнив, что Снэфрида ушла не в восточную часть дома, в крыло для женщин, а в противоположную — к выходу, Харальд поразился тому, что сразу не отметил этого. Подавшись вперед, он заставил себя взглянуть в сторону выхода. Там, на высоких подставках, пылали две чаши с тюленьим жиром. меховой полог, закрывавший прямоугольник двери, был откинут, и Харальд мгновенно похолодел, заметив стоявшего в дверном проеме мужчину. Перед глазами конунга мелькали силуэты пляшущих, металась тень, стелился едкий дым, но даже неяркого пламени светильников хватило, чтобы узнать эту возвышавшуюся над большинством присутствующих фигуру, мощные квадратные плечи, длинные, до плеч, волосы, чисто выбритый надменный подбородок... Ролло! Его заклятый враг Ролло! Харальд не мог ошибиться. Различил даже пряжку плаща на левом плече, дабы не мешать левой руке выхватывать из ножен меч, а кому не известно, что Ролло — левша! Как смел этот мальчишка явиться на пир к своему недругу?! Ролло стоял у входа, прямо глядя в лицо конунгу. В пламени светильников в его взгляде блеснуло что-то волчье, свирепое. У Харальда мелькнула мысль, что Ролло пришел отомстить и теперь сожжет конунга со всеми приспешниками в запертой усадьбе. Но почему тогда он пришел сюда один?

И тут он получил ответ. Снэфрида, его светлая Снэфрида, приблизилась к Ролло, и тот накинул ей на плечи меховой плащ. Она сразу, не оглядываясь, вышла. Ролло же на миг задержался, и Харальд увидел, как его зубы хищно сверкнули в усмешке.

Харальд попытался броситься следом, но не смог, лишь захрипел, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Он сумел только пнуть

¹ Крока-мол — воинственная пляска с мечами, сопровождающаяся пением.

Регнвальда, и тот что-то рыкнул во сне. А лихие напевы крока-мола сливались с криками:

— Конунг пьян! Конунг пьян! Слава Харальду Прекрасноволосому!

Под эти вопли Харальд уронил лицо на полуобглоданную кабанию тушу и погрузился в тяжелый наркотический сон.

На дворе стояла глухая морозная ночь. Сытые псы даже не залаяли, заметив скользящие человеческие тени. Скрипел снег, клубился пар от дыхания. Двое беспрепятственно миновали пристройки, никого не встретив, и Ролло с облегчением снял руку с рукояти меча. Снэфрид услышала его вздох и тихонько засмеялась, прильнув к своему спутнику.

— Сейчас самое время подпереть двери усадьбы и сжечь их всех.

— Нет, — отрезал викинг. — Там и Регнвальд, и мой второй брат — Торир. Не хочу, чтобы Хильдис жила с мыслью, что я их убийца.

Не замеченные никем, кроме ущербной луны, они достигли зарослей ельника, откуда доносилось позвякивание сбруи привязанных лошадей. Из-за деревьев показались ожидавшие их воины, вооруженные копьями и круглыми, переброшенными за спины щитами.

— Ну наконец-то!

Ролло лишь негромко засмеялся, похлопывая по холке высокого коня. У беглецов были не маленькие лохматые лошадки местной породы, а длинноногие, сильные кони с Рейна. Такие кони стоили очень дорого, их было мало в Норвегии.

— Что так долго? — спросил один из ожидавших, молодой викинг с выбивавшимися из-под меховой шапки светлыми височными косицами. — Или эта дика брачных уборов¹ сопротивлялась?

Ролло уверенно, с улыбкой притянул к себе Снэфрид.

— Она? О нет! Видишь ли, друг Олаф, я все же не смог удержаться, чтобы не послать лохматому Харальду последнего приветствия.

Олаф наигранно ахнул, покачал головой. Но был он весельчак и балагур, к тому же скальд, и тут же стал шепотом декламировать придуманную на ходу хвалебную песнь в честь Ролло, пока другой, пожилой викинг в рогатом шлеме поверх меховой шапки, сердито не шикнул на него.

— Тролли, что ли, помutilи ваш разум? Чем скорее мы уедем, тем верней останется с нами наша удача. — И покосился на женщину. —

¹ Женщина (кенинг).

Хотел бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы сын моего друга так рисковал ради тебя?

Разноцветные глаза финки блеснули недобрый светом из-под пушистого меха капюшона. Но старый викинг уже не смотрел на нее.

Он усмехнулся в бороду, глядя, как легко, не касаясь стремени, вскочил в седло Ролло. Вздохнув, проворчал с нежностью в голосе:

— Да, видели бы тебя сейчас те, кто зовет тебя Пешеходом, как твоего отца! У старого Ролло никогда не было такой ловкости. А на коне он выглядел будто мельничный жернов на брачном ложе, клянись Одином¹, Христом и Аллахом!

— Это потому, что у него не было таких коней, Кетиль, — прищипывая своего жеребца, ответил Ролло.

А потом была бешеная скачка под звездным небом. Ролло понимал, что, чем дальше они успеют уехать, тем крепче будут сидеть их головы на плечах. И хотя Снэфрид уверяла, что от ее зелья Харальд проспит не менее трех суток, нельзя было поручиться, что кто-нибудь не обнаружит исчезновения супруги короля и не снарядит погоню. Поэтому они безостановочно мчались почти целые сутки, лишь меняя лошадей на подставах, предусмотрительно подготовленных Ролло. С каждой сменой их отряд рос, и теперь единственное, что волновало Ролло, — долго ли сможет выдержать эту скачку Снэфрид. Но финка держалась в седле, как валькирия², и к вечеру они достигли старой усадьбы матери Ролло в горах, далеко от проезжих дорог.

Хильдис, предупрежденная о том, что, возможно, это будет ее последняя встреча с сыном, с факелом в руке вышла встретить прибывших и лишь слабо ахнула, увидев, как сын снимает с седла ту, которую в этих краях звали Белой Ведьмой. Тем не менее она молча осветила им дорогу в боковую клеть, куда Ролло отнес на руках буквально рухнувшую с коня Снэфрид.

То, что финка смертельно утомлена, он понял, когда уложил ее на тюфяки из гагачьего пуха и Снэфрид не потянулась к нему с обычной страстью, а тут же погрузилась в полудремотное состояние. Он расшнуровал и стянул с нее сапожки, стал растирать ей затекшие в стременах ноги. Женщина слабо застонала и на миг приоткрыла глаза. В неверном свете лучины она разглядела встревоженное лицо Ролло, заботливо склонившегося над ней. Чуть улыбнувшись ему, она погрузилась в сон. Но до конца своих дней Снэфрид, дочь Сва-

¹ Один — верховный бог в древнескандинавской мифологии.

² Валькирии — небесные девы-воительницы, живущие в небесном чертоге богов Валгалле и уносящие туда души павших в сражениях смертных воинов.

си, беглая королева Норвегии, будет помнить этот взгляд человека, ради которого она пожертвовала всем.

Когда Ролло прошел в главную постройку усадьбы, его люди уже сидели за столом, с жадностью поглощая дымящуюся овсяную кашу с селедкой. С некоторым удивлением Ролло обнаружил среди них своего младшего брата Атли. Это был худенький десятилетний мальчик с бледным лицом и синими, как у Хильдис, огромными глазами. Он был болезненным от рождения, и Регнвальд не раз имел повод пожалеть, что, когда мальчик родился, его не отнесли в лес, оставив там умирать. Все знали, что по ночам Атли задыхается, что он слаб и болезнен и из него никогда не выйдет настоящего воина. Регнвальд стыдился его. Но Ролло, который и сам был нелюбимым сыном в семье, с детства привязался к братишке, и мальчик искренне отвечал на чувства своего блистательного старшего брата. И все же сейчас Ролло был несколько озадачен, увидев его здесь.

Хильдис молча поставила перед ним тарелку, а на вопросительный взгляд Ролло спокойно проговорила:

— Я хочу, чтобы ты забрал Атли с собой. Ты сможешь отвезти его в Упсалу¹, где жрицы сумеют вылечить его. К тому же Атли никогда не будет воином, но, как потомок хорошего рода, он может стать жрецом в одном из святилищ наших богов.

Ролло, однако, выразил недовольство. Отправлять мальчишку с ним, изгнанником, которого наверняка станут преследовать!.. Разумно ли это? Не лучше ли матери послать Атли в Упсалу вместе с отцом или с Ториром, когда мужчины весной поплывут в те края?

Хильдис вздохнула:

— Видят боги, что я разрываю свое сердце, стремясь сразу расстаться с тобой и малышом. Но разве ты запомнил, Ролло, что Регнвальд уже дважды пытался убить младшего сына, которого считает позором для себя?

Ролло нечего было на это возразить. Его мать была мудрой женщиной, и она понимала, что Атли не прожить и месяца в этих краях, если он лишится защиты старшего брата. Викинг хмуρο взглянул туда, где сидел мальчик. Атли был худ, иссиня-бледен, да и выглядел гораздо моложе своего возраста. Красивым его тоже нельзя было назвать, весь пошел в деда — Ролло Носатого. Однако умом боги не обидели мальчика. Сейчас, глядя на мать и Ролло, он явно догадывался, о чем идет речь, и вся его хрупкая фигурка и встревоженный взгляд выражали беспо-

¹ Упсала — центр языческого культа скандинавов на территории Швеции.

койство. Еще даже не приняв решения, Ролло уже улыбнулся Атли — и сейчас же понял, что возьмет его с собой, ибо лицо мальчика вмиг озарилось такой радостью, что Ролло не мог разочаровать брата. Что ж, сам виноват. Его улыбка уже была обещанием, а Ролло мог надуть весь белый свет, но только не тех, кто ему доверился.

Хильдис наблюдала за ними.

— Хвала мудрым норнам¹, плетущим судьбы людей, за то что они дали мне таких сыновей. И не думай, Ролло, что брат будет тебе в тягость. Я видела вещий сон и знаю твердо, что Атли благотворно повлияет на судьбу моего великого Ролло.

Они помолчали. Мимо прошла рабыня, неся горшок с углями для жаровни. Хильдис проследила глазами, как та, откинув полог из шкур, зашла в боковую клеть, где отдыхала Снэфрид. Мудрая женщина невольно нахмурилась. Снэфрид Лебязьебелая, таинственная женщина с темным глазом... Не о такой спутнице для своего сына мечтала Хильдис. Белая Ведьма из неизвестного рода, хитрая и замкнутая, сделавшая гордого конунга Харальда мягким как воск. Люди говорили, что она зачем-то скупает у бедняков новорожденных детей, что не боится ночью уходить в лес или гулять в полнолуние у могильных камней на краю дороги. Сколько ей лет? На вид она молода, но такое горькое знание жизни, такая зрелая мудрость таятся в ее разноцветных глазах...

Хильдис не сразу заметила, что сын наблюдает за ней.

— Тебя волнует моя избранница?

— Да ты хоть любишь ее, Рольв, или это одна только месть?

Ролло взглянул на мать.

— Разве Снэфрид недостаточно хороша, чтобы полюбить ее?

Он улыбался. Улыбка у него была дерзкая, веселая, совсем еще мальчишеская. Хильдис подумала, что в начале следующего лета Ролло исполнится девятнадцать. Самая пора взять себе жену.

— Во всяком случае, — неожиданно для себя молвила Хильдис, — если эта женщина ради тебя отказалась стать королевой Норвегии, — она должна очень любить тебя.

Насытившись, Ролло вытер тыльной стороной руки губы и рыгнул.

— Да, она меня любит. — Он опять улыбался своей дерзкой улыбкой. — Однако кто сказал, что я не сделаю Снэфрид королевой любовью земли, какую выберу для себя? А Лебязьебелая не так глупа, чтобы отказаться от короны ради судьбы подруги простого изгнанника.

¹ Норны — в скандинавской мифологии богини судьбы.

Да будет тебе известно, мать, что Снэфрид первая предсказала мне великое будущее. И я не сгину, не уйду в чертоги Одина, до тех пор пока не стану великим правителем, пока моя слава не прогремит громче славы Рагнара Кожаные Штаны или Гастинга Грозы Всей Европы, пока я не завоюю себе столько же земель, сколько завоевал мой настоящий отец — великий Ролло Пешеход.

Он сиял, и мать любовалась им. Да, поистине она должна гордиться тем, что родила такого сына! Он очень похож на того, другого Ролло, из-за которого она едва не погубила себя.

Ролло был могучим, как отец, но при этом поджарым и статным, каким Ролло Пешеход не бывал и в лучшие годы жизни. К тому же при высоком росте, широком развороте плеч и сильных мышцах он был гибок и быстр, как кошка. У Ролло было удлинненное лицо с высокими скулами, шея, словно колонна, квадратный подбородок и чувственные губы. Длинные темно-русые волосы схвачены вокруг лба кожаным ремешком. Глаза светло-серые, как туман, глубоко посаженные под мощными надбровными дугами, четкая линия прямого носа... Нет, незаконнорожденный сын женщины-скальда Хильдис, хоть и походил на того, кому она отдалась девятнадцать лет назад по зову сердца, был гораздо краше его. Боги оказались милостивы к ней, и она, вынужденная разлучиться с возлюбленным, получила другого Ролло, гораздо лучший слепок, чем был сам оригинал.

Обо всем этом Хильдис думала поздно ночью, когда уже все улеглись, а она тихо сидела у ложа сыновей. Маленький Атли спал, как обычно дыша хрипло и тяжело. Ролло же лежал, прикрыв согнутой рукой лицо, и Хильдис не знала, спит он или бодрствует. Он всегда дышал ровно, глубоко и тихо. Сама же она и не пыталась заснуть — ведь это ее последняя ночь с сыновьями! Она чувствовала, что им не придется больше свидеться. Что ж, горлинка выводит птенцов, чтобы они улетели... И все-таки слезы лились и лились по ее щекам.

Но Ролло не спал. Он слышал прерывистое дыхание матери, ощущал ее запах, ее тепло. Так было еще со времен его детства, когда она приходила, садилась подле него и тихо лила слезы. Маленьким, проснувшись, он тоже начинал плакать, но позже научился притворяться спящим. Сейчас же сердце его разрывалось. Рано привыкнув к дальним походам, к долговому пребыванию вдали от дома, он не предполагал, что в последнюю ночь перед расставанием с матерью ему будет так тяжело. Еще несколько часов назад все его мысли были о стоявших во фьорде кораблях, о своих соратниках и друзьях, примкнувших к нему, не пожелав подчиниться Харальду, — о Кетиле, Олафе, Мезанге, Ло-

дине и других, кого он либо знал с детства, либо сошелся с ними в походах викингов. Ролло ждал часа, когда его корабль подставит ветру свой полосатый парус и, разрезая волны, поплывет искать предсказанное ему королевство. Но теперь, когда его мать беззвучно плакала, он вдруг понял, что какую-то частицу себя навсегда оставляет в Норвегии. И сейчас, в дремотной темноте длинного дома, под тихое всхлипывание матери и дружный храп дружинников, викинг молча глядел на выползающий сквозь отдушину в крыше дым и вспоминал...

Ролло всегда был нелюбимым сыном Регнвальда из Мера. Тот, кого он так долго считал своим отцом, был груб, даже жесток с ним. Как и с его матерью. Регнвальд злился на нее, за то что она нарекла их первенца таким именем, хотя оно и встречалось в их роду — так звали отца самой женщины-скальда. Второму же сыну, которого прозвали Молчуном, он сам дал имя — Торир. Вот он-то, коренастый, светловолосый и светлоглазый, всегда был любимцем Регнвальда. Разница в отношении ярла к детям была столь очевидна, что Ролло с детства чувствовал себя обделенным. Возможно, это и сделало его таким неуправляемым и вспыльчивым. Но старые викинги, поглядывая на него, со знанием дела вспоминали пословицу: «Орел кричит рано».

Характер будущего «короля моря» определился еще тогда. Однако сам ярл Регнвальд никогда не радовался проделкам первенца. Особенно когда тот волчком вгрызался зубами ему в руку или разбавлял пиво в его дорожных бурдюках козлиной мочой. И ни наказания, ни порка (Ролло еще пуще обозлился на отца, когда тот посмел высечь его на глазах рабов) не могли усмирить непокорного мальчишку.

По распространенному обычаю, родители зачастую отдавали сыновей на воспитание в чужие семьи. Но первенцев — только в случае, если погибал отец, глава рода. А тут сам Регнвальд, едва сыну минуло шесть зим, отвез его в усадьбу одного старого берсерка¹ по прозвищу Кведульв. После этого почти семь лет Регнвальд не интересовался сыном. Хильдис несколько раз присылала гонцов, беспокоясь о первенце, но сама не смела послушаться мужа и навестить его. И вот, когда по истечении семи лет они прибыли в усадьбу Кведульва, им навстречу вышел пригожий рослый подросток, при взгляде на которого у Регнвальда округлились глаза, а сердце Хильдис едва не выпрыгнуло из груди. С ними был и Торир, и Ролло во все глаза

¹ Берсерками называли могучих воинов, которые во время боя впадали в транс и сражались со сверхъестественной силой, не ощущая боли от полученных ран.

глядел на роскошный, с золоченой рукоятью меч брата. Лицо его вспыхнуло румянцем, и, едва обменявшись с отцом положенными приветствиями, он тут же заявил, что меч у самого Ролло никудышный и что Регнвальду, наверное, должно быть стыдно, раз его первенец до сих пор не имеет оружия, достойного сына ярла. От такой наглости Регнвальд в первый миг даже опешил. Но, когда любивший паренька старый Кведульв стал смеяться и хвалить Ролло, тоже скрипил губы в улыбке, пытаясь свести все к шутке.

Однако отношения между ярлом и тем, кого называли его сыном, не стали лучше. Его не радовали похвалы, которыми осыпали мальчишку Кведульв и его семья, пророча Ролло будущее великого викинга, «короля моря». И хотя священное бешенство воина Одина не просыпалось в нем, он умел сражаться и наслаждаться схваткой, биться на мечах, секирах, с железной палицей или с длинным ножом, используя в бою не только руку с оружием, но и все тело, всю его гибкость, ноги, зубы, — таково было страстное желание победить любой ценой! Особенно радовало Кведульва, что Ролло — левша и мало кто мог выдержать его сильные, необычные, направленные с неудобной для противника стороны удары. Одновременно берсерк Кведульв научил подростка пользоваться и правой рукой, что делало его особенно искусным воином. Берсерк с гордостью заявил Регнвальду, что за его мальчишкой числятся уже трое убитых врагов, причем последний — шестнадцатилетний крепкий паренек, уже побывавший в походе викингов. Заметив, что Регнвальд хмурится, Кведульв лишь засмеялся, хлопнув его по плечу:

— Орел кричит рано, Регнвальд. А за убитых тебе не придется платить виру¹, так как по закону убийство, совершенное отроком до шестнадцати лет, считается всего лишь несчастным случаем.

Но Регнвальд все равно поглядывал на сына хмуρο и неприязненно, однако Ролло уже не испытывал при этом болезненного чувства обделенности. Здесь, в усадьбе Кведульва, прислушиваясь к тому, о чем болтает челядь или переговариваются, глядя на него, домочадцы старого берсерка, он вдруг понял: многие считают, что он не родной сын Регнвальда из Мера. А нелепая кличка Пешеход, так неподходящая Ролло — едва ли не лучшему наезднику в округе, принадлежит не ему, а кому-то другому, на кого он поразительно похож. Вскоре юноша узнал, кто такой этот Ролло Пешеход: знатный викинг, владеющий островами у берегов Норвегии, сын ярла Бычьего Торира, который прославился походами и основал свои земли на севере королевства франков.

¹ Вира — денежное возмещение за убийство.

Однажды, когда они гуляли с матерью вблизи усадьбы, а Хильдис не сводила с сына сияющих глаз, он вдруг напрямик спросил ее о своем настоящем отце.

Хильдис остановилась так резко, словно налетела на стену, — висевшие у нее на поясе ключи хозяйки поместья жалобно звякнули. Старший сын спокойно смотрел на нее, держа на руках своего младшего брата — Атли. Он только недавно увидел его, и к этому ребенку у Ролло сразу же возникло настоящее братское чувство, которого он не испытывал к Ториру. Можно было только удивляться, почему бешеный Ролло пользовался такой симпатией у женщин и маленьких детей. Сейчас же Атли, разморенный полуденной тишиной, сладко дремал, положив белокурую головку на плечо старшего брата.

Ролло выжидающе смотрел на мать. Хильдис вздохнула. Она была мудрая женщина и дорожила доверием сына, поэтому не стала таиться, но рассказ ее был краток и скуп.

— Ты не должен придавать этому слишком большого значения, Рольв. Я любила этого человека и сама возжелала его любви, хотя он был старше меня и уже имел одну жену. Потом он уехал, я молчала, и мой отец ударил по рукам с Регнвальдом. И учти — хотя Регнвальд довольно скоро понял, что ты не его дитя, он не велел растерзать меня лошадьми, как неверную жену. Поэтому все эти годы я стараюсь быть ему доброй супругой, а ты должен и далее оставаться почтительным с ним и не забывать, что вся Норвегия считает его твоим отцом. А тот, другой... Не думай больше о человеке, который пренебрег твоей матерью, когда она носила тебя под сердцем.

Ролло так и поступил. Старался спокойно сносить грубость и придирки отчима. Но однажды все же бросился на него с ножом, узнав, что Регнвальд, несмотря на слезы и мольбы жены, велел отнести Атли, у которого начался один из приступов удушья, к скалам, рассчитывая, что приливом ребенка смоеет в море и он навсегда избавится от хилого отпрыска. После этого случая Ролло больше не жил с отчимом под одним кровом. Он вернулся в семью Кведулва и вскоре ушел с его сыновьями в поход в восточные моря. После удачного набега на земли вендов¹ они повезли захваченные в походе товары на торжище в Хедебю, в Данию. Это было осенью, когда там проходили самые крупные ярмарки. И здесь молодой Ролло впервые встретил своего отца — Ролло Пешехода.

Сын Хильдис в ту пору был уже довольно наслышан о нем. Пешеход был знаменит. Он воевал в Ирландии, Англии, во фризских зем-

¹ Венды, или венеды — древнее племя западных славян.

лях и Лотарингии. Он участвовал и в великом походе королей моря на Париж во Франкии. И говорят, те земли ему настолько приглянулись, что, когда его товарищи уже отправились в новые походы, он остался с войском в северных франкских краях, которые подчинил себе, и отныне даже франки стали называть эти земли Нормандией, то есть землей северных людей. А столицу края, древний Ротомагус, местные жители переименовали в Ру-Хам — усадьбу Ру, как они величали Ролло, или попросту в Руан. Да, все признали Ролло Пешехода правителем. Но он не забывал и своей прежней родины и порой являлся на торжища в родные края, торгуя добрыми франкскими винами. Так он оказался в Хедебю именно в то время, когда там был и его сын. Оба Ролло случайно встретились на мощеных улочках датского города.

Молодой Ролло еще издали обратил внимание на двух викингов, наблюдавших за дублением кож близ одной из городских усадеб. Один из них, в шлеме с небольшими вызолоченными рогами, что-то во весь голос втолковывал дубильщику. Другой же молчал. Но именно от него и не мог отвести глаз Ролло. Викинг был огромного роста, могуч в плечах, да и мощь его бедер и груди вряд ли можно было приписать тучности. Богатая серебристая кольчуга бугрилась под напором мышц, а на длинных темно-русых волосах плотно сидел чеканный обруч с широким наносьем. И хотя оно скрывало часть лица викинга, Ролло тотчас понял, что перед ним его настоящий отец.

Пешеход тоже почувствовал взгляд юноши и медленно повернул голову. Щеки и подбородок его были выбриты, как в то время брили многие, кто воевал в Англии. Глаза под длинными бровями испытующе взглянули на стоящего перед ним юного викинга. И вдруг невозмутимое лицо Пешехода дрогнуло, глаза расширились, а челюсть нелепо отвисла. И Ролло с каким-то тайным удовольствием прочел ужас на лице того, кого прозвали непобедимым Ру. Некоторое время они молча глядели друг на друга. Вокруг установилась тишина, присутствующие с недоумением смотрели на двух столь похожих людей. Затем Ролло повернулся и неторопливо зашагал прочь.

Вечером Пешеход сам отыскал Ролло в одной из харчевен Хедебю. Ролло был уже изрядно навеселе, благодушно настроен и ничего не имел против, когда Пешеход поставил перед ним кружку с пивом.

— Я принял тебя за фюльгию¹ и решил, что близится час встречи с Одином. Но мой кормчий Кетиль, который был сегодня со мной, сказал, что мне лучше поговорить с тобой.

¹ Фюльгия — в скандинавской мифологии дух-двойник, являющийся человеку перед смертью.

Ролло с серьезным лицом кивнул. Его мальчишеская важность могла бы показаться забавной знаменитому викингу, но Пешеход оставался серьезным. Какое-то время он разглядывал юношу и наконец спросил:

— Как имя твоей матери?

Ролло почувствовал, что в нем закипает кровь. Этот медведь шагает по всем пределам Мидгарда¹ и оставляет повсюду своих баатардов, а о его матери забыл!

— Я сын той женщины, из-за которой тебя оскопили бы, если бы узнали, что ты посягнул на честь дочери свободного ярла.

И тогда на лице Пешехода отразилось изумление, а затем он печально и тихо произнес имя матери Ролло.

Если бы он этого не сделал, сын продолжал бы ненавидеть его. Теперь же он попросту растерялся. И тогда Пешеход сам заговорил о Хильдис, заявив: для него полнейшая неожиданность узнать, что дочь Рольва Носатого родила от него ребенка. Он считал ее эльфом, солнечной девой, избалованной дочерью могущественного вождя. Она бы никогда не смирилась с положением наложницы в его доме. А ведь у него в то время была уже достойная супруга и почти взрослая дочь... Сама Фрейя² вскружила ему голову, ибо как иначе он посмел бы лишиться девственности девушку из знатной семьи? Именно из-за нее Пешеход покинул на много лет Норвегию, ибо ему было предсказано, что он погибнет от руки той, которую полюбит.

Ролло даже открыл рот, слушая его. Да, поистине такого предсказания стоит опасаться — ведь для викинга нет ничего позорнее, чем смерть от руки женщины! И сейчас, глядя на сидящего перед ним прославленного «короля моря», он думал о том, что, выходя, его отец был прав, постаравшись избежать такой участи.

А Пешеход все расспрашивал и расспрашивал о Хильдис. Потом принялся рассказывать о себе. В его словах не было цветистости скальдов, но говорить он умел. Ролло невольно узнавал в нем себя. Он тоже не владел поэтическим даром, как и не мог вызвать у себя священную ярость берсерка. Наоборот, в стычке он становился собран и хладнокровен, хотя и умел насладиться красотой поединка.

Они проговорили до утра, пока Пешехода не отыскал его кормчий Кетиль. Пешеход тут же предложил столь неожиданно обретенному сыну отправиться с ним в его владения в Северной Франкии. Но Ролло, сразу сделавшись угрюмым, отказался. Ему было хорошо вот так,

¹ Мидгард — этим словом викинги называли земной мир.

² Фрейя — у скандинавов богиня любви.

первый раз в жизни по душам поговорить с человеком, который был его настоящим отцом, но плыть с ним он заставить себя не мог. Это было бы все-таки предательством по отношению к Хильдис. К тому же плыть с отцом означало попасть под его опеку. А Ролло считал, что настоящий «король моря» должен полагаться в этой жизни лишь на себя.

Пешеход с какой-то печальной гордостью поглядел на сына.

— Что ж, ты волен в том, плыть со мной или нет, как и волен решать, станешь ли звать меня отцом. Но об одном я тебя прошу...

Он извлек из-за пояса длинный нож с рукоятью из бивня моржа. Его лезвие было из голубоватой дамасской стали, а у самой крестовины рукоятки выточена руна «ридер».

— Отец должен дать своему сыну оружие, когда тот вырастет. Но, вижу, и меч, и секиру ты уже добыл себе в бою. Возьми же от меня хотя бы этот нож. Это добрый друг, он принесет тебе удачу, ибо этот клинок был освящен в Упсале, сам верховный жрец вывел на нем эту руну — начальную руну нашего с тобой имени. Храни же его в память обо мне.

Этот нож Ролло по возвращении домой показал матери. Хильдис слушала сына, затаив дыхание. Потом внимательно осмотрела нож.

— Хороший подарок, — спокойно сказала она. — «Ридер» означает путешествия, эта руна хранит в пути. Твой отец сделал хороший подарок сыну-викингу.

— Лучше бы он подарил мне свой меч. Видела бы ты, матушка, какое это оружие! Зовется он Глитнир — Блестящий — и сделан из лучшей стали тех племен, что поклоняются Аллаху.

Юноша был готов еще долго говорить об этом оружии, но мать ласково взъерошила ему волосы.

Ты о чем мечтаешь,
 Юный ас металла?¹
 Иль забыл, что луч сражений²
 Переходит к сыну
 Только по наследству,
 Лишь когда родитель
 Унесен в Валгаллу?³

Хильдис, как всегда, была права. И все же Ролло стал обладателем Глитнира.

¹ Ас металла — воин (кенинг).

² Луч сражений — меч (кенинг).

³ Валгалла — небесный чертог высших богов, где вечно пируют души героев-воинов.

Это случилось спустя три года после его встречи с отцом в Хедебю. К тому времени Ролло уже был прославленным «королем моря», известным на всех берегах Восточного моря¹. Прославился он и как покоритель женских сердец, и Регнвальду пришлось уплатить немалую виру на тинге трем отцам, дочери которых почти одновременно понесли от его пасынка, и уже шла молва, что новая жена Харальда Снэфрид Лебязьбелая стала уделять молодому Ролло особое внимание.

Именно в это время Ролло отыскал кормчий Пешехода, его настоящего отца, Кетиль Всезнайка. И протянул меч Глитнир.

— Твой отец заплатился преждевременной Валгаллой, — только и сказал он.

— Как умер Пешеход? — спросил юноша.

— Когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

У Ролло вдруг защемило сердце. Давнишнее предсказание, из-за которого отец отказался от Хильдис... Что ж, нить судьбы, которую плетут норны, человеку не дано изменить.

Он посмотрел на Кетилья.

— Ты сказал «когда-нибудь». Означает ли это, что ты готов остаться со мной и служить мне, как служил ему?

Кетиль утвердительно кивнул.

— Клянусь богами всех земель, где ступала моя нога, я готов служить тебе.

— Почему?

— Ты сын моего друга Пешехода. И еще ты похож на человека, которому благоволит удача.

Для Ролло Кетиль стал подлинной находкой. Лучший кормчий, которого он когда-либо встречал, мореход, знавший все течения, все ветра и приметы погоды, Кетиль умел ориентироваться по звездам, определять по полету птиц расстояние до берега, а по оттенку прибрежных вод глубину. С ним Ролло совершил свое самое долгое плавание вокруг Европы в далекую Византию, а когда вернулся в Норвегию, то три его драккара², полные добычи, от тяжести почти до бортов уходили в воду. Честь и слава, казалось, сами ищут молодого викинга. Но вышло так, что его вынудили отдать часть добычи в качестве дани Косматому королю. Когда же он возмутился, ему поведали о победе Харальда в Хаврсфьорде и посоветовали не иску-

¹ Восточное море у скандинавов — Балтийское море.

² Драккар — длинный боевой корабль викингов с изображением головы дракона на носу.

шать судьбу и покориться. И тогда Ролло, вопреки королевскому указу, стал собирать страндхуг...

Заметив, что Хильдис задремала, прильнув к резному столбику ложа, Ролло тихо приподнялся и накрыл ее меховым покрывалом. Дом уже выстыл, угли длинного очага догорали, а небо в квадрате отдушины стало сереть. Близился рассвет, скоро должны закричать петухи и надо будет отправляться. Ехать придется так быстро, как только смогут их лошади...

Скачка и в самом деле была бешеной. Когда они достигли побережья, бока коней кровоточили от шпор. Молодой скальд и друг Ролло Олаф вез на крупе своего коня Атли. Мальчик перед самым отъездом вдруг расплакался и все льнул к матери. Ролло и пристыдил бы его, да сам был вынужден нахлобучить шлем с низким наличьем, чтобы скрыть слезы, — слабость для ярла, собирающегося покорить мир. А Хильдис не плакала. Казалось, ее слезы иссякли за долгую ночь. Скачала только, напутствуя:

— Пусть хранят вас боги!

Со Снэфрид они не перемолвились ни словом. Ролло невольно нахмурился, когда понял, что будущая жена не желает поклониться его матери. Более того — она держалась вызывающе, прошла мимо Хильдис, словно не заметив. Но сказать ей об этом не было времени. К тому же мудрые люди недаром говорят — безумен тот, кто захочет решать споры своих женщин.

И вот Ролло наконец увидел с кручи скал два своих драккара. Они покачивались под скалой, там, где сбегал водопад, мешая воде замерзнуть. Перед самым отплытием путники принесли морскому богу Эгирру положенную жертву — мех с пивом, овечьё мясо и свинину; а финка Снэфрид начертила в воздухе знаки могущественных рун, которых викинги не понимали и опасно косились на Белую Веду.

Когда люди взошли на корабль, Ролло не смог не ощутить тоски, оглядываясь на родину, которую покидал навсегда. Щурясь от солнца, он смотрел на покрытые снегом скалы, на сверкающий на солнце водопад, сбегаящий по уступам, на стройные ряды синих елей по берегам, среди которых то тут, то там светлели стволы берез.

— Я никогда не вернусь, — вздохнул он, и морозное облачко слетело с его губ. — Но клянусь священной кровью Одина — мое королевство будет не хуже этих краев.

Он прошел на нос драккара и обнял вызолоченную шею дракона на носу судна. Его корабль двигался туда, где пенилась у входа во

фьорд и слепила глаза солнечная зыбь, убегая в открытый океан. Холодный ветер трепал длинные волосы Ролло. Он больше не оглядывался. Краем глаза замечал идущий рядом второй драккар, которым правил Олаф, видел, как равномерно поднимались и опускались стройные ряды весел.

К нему подошел Кетиль.

— Ты любимец богов, Рольв. Тебя провожает добрый день, а хорошая погода — лучший из знаков удачи для викинга.

Он ударил в било. Бычья кожа, натянутая на громадную бадью, издавала резкие густые звуки, задавая ритм взмахам весел. Поставили мачту, и вскоре порывистый северный ветер встретил их при входе в океан. К Ролло подошел младший брат.

— Рольв, я не хочу оставаться в палатке с твоей женщиной.

Ролло обнял Атли за плечи. Оглянулся на шатер из тюленьих шкур на корме, куда сразу же после выхода в море удалилась Снэфрид.

— Что ж, если тебе хорошо здесь, на ветру...

— Да, мне хорошо здесь. Я с тобой, брат. И мне нравится плыть.

А Ролло размышлял только о том, что из груди Атли не слышны обычные хрипы и этот всегда тихий и болезненный ребенок выглядит румяным и бодрым.

— Пусть хранят тебя боги, мой Атли. И если Эгир с его ветрами пойдет тебе на пользу — я готов оставить тебя с собой...

И все же Ролло помнил данное матери обещание насчет Упсалы. Но попали они в святилище только спустя несколько лет. А пока... Пока были походы, схватки, опасности и вера в удачу. Именно та жизнь, о которой мечтал молодой ярл Ролло. Вскоре он набрал немалую дружину, ибо его имя уже было овеяно славой и нашлось немало желающих испытать удачу под парусами того, кто, как гласила молва, был любимцем богов.

Его друг Олаф, которого за страсть к щегольству прозвали Олаф Серебряный Плащ, сочинил в честь молодого предводителя такую вису:

Слава летит раньше Ролло,
Громкое имя у ярла.
Гордый даритель злата¹
Правит драконом мачты².
Смелых героев кличет в поход
Любимец великого Бога.

¹ Предводитель.

² Корабль.

Удача, казалось, повсюду сопутствовала Ролло. Но он не был так прост и редко когда плавал, полагаясь только на милость богов. Ролло заранее узнавал все о землях, где хотел испытать себя, часто отправлял на берег лазутчиков, которые выясняли, чем хороша та или иная земля, как ее стерегут; изучали береговую линию, характер приливов; высматривали удобные места для высадки. И только тогда Ролло начинал набег. Его длинные ладьи появлялись словно из ниоткуда, и люди бежали в панике при одном только виде его полосатых парусов. Слава Ролло становилась все громче. Многие викинги желали прикнуть к нему, поскольку знали, что он мудр не по годам и щедр. Ибо, как гласит закон похода, мудрый «король моря» никогда не считает своего добра, пока не пристанет к родному берегу. А Ролло оставался изгнанником. Он лихо входил в устья рек Восточного моря, потом направлял драккары на зеленые острова ирландцев, грабил побережье земель германцев, совершал набеги в глубь Лотарингии. Лишь только к берегам Франкии он никогда не приставал. Увы, его все еще преследовало прозвище отца — Пешеход, и Ролло гневался, считая, что слава отца затмевает его собственную. Даже викингов, некогда знавших старого ярла, вводило в заблуждение поразительное внешнее сходство молодого Ролло с отцом: они были уверены, что это тот же самый Пешеход, любимый богами настолько, что они дали ему отведать молодильных яблок богини Идун Юной. Ролло сердило это, но он был вынужден смириться, иначе ему пришлось бы открыть, какой жалкой, позорной смертью умер его отец.

Кетиль Всезнайка уже давно поведал ему об этом.

— Дело было во франкском городе Байе, главой которого был граф Беренгар. Это был достойный воин, что тут говорить, и Пешеходу лишь со второго набега удалось завладеть Байе. Беренгара он убил. И взял себе на ложе его жену графиню Пипину. Что он нашел в ней? В мире есть много женщин красивее ее, но твой отец словно обезумел. Он возжелал ее любви настолько, что готов был даже жениться на ней, сделать хозяйкой Байе и остальной Нормандии. Она же ненавидела его и, когда ночью Пешеход уединился с ней в спальне, убила его, вонзив в его плоть сверкающий Глитнир. Мы обнаружили Пешехода уже умирающим. Пипина же исчезла. Мы искали всюду, но ее словно спрятали эльфы... или тролли. Мы не нашли ее, и твой отец умер неотомщенным. Последнее же его слово было о тебе. Конечно, Рольв, вы почти не знали друг друга. Но ты так похож на него! Ты должен плыть в Нормандию. Это земля Пешехода, и ты, его единственный сын и наследник, обязан принять ее. Как принял Глитнир. Ведь сейчас там нет настоящего господина

и христиане-франки вновь стали называть ее старым именем — Нейстрия¹, а не именем северных людей норманнов. Но, если там появится Ролло Пешеход, земля вновь получит своего господина.

— А ты, Рольв, станешь Ролло Пешеходом, — неожиданно раздался сзади тихий, мурлыкающий голос. — И больше никогда не будешь самым собой.

Пробормотав в бороду ругательства, Кетиль оглянулся. Опять эта ведьма Снэфрид! Подходит, как всегда, неслышно. По привычке Кетиль сделал старинный знак, оберегающий от темных сил. Проклятая финка! Она словно чужая, когда Кетиль начинал вести с Ролло речи о возвращении в нейстрийскую Франкию. Тут же возникала рядом, глядела своими миндалевидными разноцветными глазами. На Ролло — нежно, на Кетиля — с яростью. Ни для кого не было секретом, что эти двое ненавидели друг друга. Кормчий потому, что финка словно поставила целью не допустить Ролло принять наследство отца. Колдовством ли, уговорами или ласками, но она подчиняла его себе, заставляя всякий раз плыть прочь от земель Франкии. Снэфрид же не любила старого Кетиля за то, что, кроме нее, он был единственный, к чьему слову прислушивался ее муж и кто мог настоять на поездке в земли Пешехода. Снэфрид не должна была допустить этого. С помощью гадания она уже давно знала, что, если Ролло поплывет в Нормандию, — ей недолго быть его женой. Во время тайных обрядов, в облаке испарений над жертвами Снэфрид даже могла различить силуэт будущей соперницы: красноволосая, кружащаяся, в прозрачной короне — такой ей являлась женщина, которая могла отобрать у нее Ролло. Нет, Снэфрид всеми силами воспрепятствует этому. Она считала себя достаточно опытной и умелой, чтобы противиться нити судьбы своей норны.

И она вновь и вновь опаивала Ролло любовными зельями, предсказывала ему удачу в походах, сражалась рядом с ним плечом к плечу, давала мудрые советы, заслуживая его уважение и приязнь. И до сих пор, несмотря на все старания Кетиля, ей удавалось подчинять себе дерзкого Ролло и его людей, считавших ее ведьмой и уважавших как предводительницу, ибо за годы их скитаний Снэфрид стала настоящей воительницей. Она часто сходила на берег, вместе с воинами принимала участие в набегах. Как многие жены скандинавов, Снэфрид превосходно владела оружием, неудобную кольчугу носила даже с изяществом, словно не ощущая тяжести металла, и, когда

¹ Нейстрия — старое название северофранцузских земель.

Снэффрид с громким кличем, со щитом и в рогатом шлеме бросалась в битву, она становилась похожей на неистовую валькирию.

Даже Ролло порой дивился ее неожиданной силе. И восхищался ее красотой. Ибо ни битвы, ни кочевая жизнь не сказывались на красе Лебязьебелой. Ролло забавляло, что его викинги побаиваются ее, как и раздражало, когда ее называли ведьмой. Сам же он ее ведьмой не считал, чувствуя свою власть над ней. Он знал, как сильно она любит его, эта загадочная сладострастная Снэффрид. И все же один раз он засомневался в ней, даже испугался ее.

После очередного успешного набега на берегах Рейна Ролло заметил, как Снэффрид удалилась в одну из отдаленных хижин, неся под мышкой сверток с плачущим младенцем. Он не сразу последовал за ней, занятый дележом добычи. Когда же спустя некоторое время Ролло вошел в уединенное строение, то замер, обнаружив при свете пылающего очага, что Снэффрид склонилась над телом младенца со вспоротым животом.

— Во имя всех богов Асгарда!..¹ Что ты делаешь, жена?

Снэффрид отвела упавшие на лицо волосы. Ее светлые волнистые пряди были испачканы кровью, руки по локоть и даже лицо в крови.

— Разве тебе не ведомо, Рольв, что ничто так верно не предвещает будущего, как внутренности и потоки крови человеческой жертвы?

И, видя, что викинг по-прежнему потрясенно молчит, недоуменно повела плечом.

— Я знаю, что тебе, Рольв, близки взгляды Альвера Детолюбца². Но пойми — это дитя, лишившись родных, все равно погибло бы. А мне была необходима жертва, чтобы заглянуть в будущее.

Она хотела еще что-то добавить, но умолкла, заметив выражение холодного бешенства на лице мужа.

— Если я еще раз доведаюсь, что ты губишь младенцев, Снэффрид, я забуду о том, как много места ты занимаешь в моем сердце.

Он вышел, а финка еще какое-то время оставалась сидеть неподвижно с отрешенным лицом. Потом негромко, лишенным интонации голосом произнесла в пустоту:

— Я подчиняюсь твоей воле, муж мой. Но знай и ты — пока ты следуешь избранному мною для тебя пути, твое сердце принадлежит мне, как нож за голенищем моего сапога.

¹ Асгард — небесный чертог, в котором живут боги скандинавов.

² Альвер Детолюбец — викинг IX века. Прозван так за то, что запретил распространенный среди викингов обычай подбрасывать детей побежденных и ловить их на острие копья.

Да, Снэфрид была уверена в любви Ролло. И хотя в походах он нередко развлекался с красивыми женщинами, среди которых были дочери и жены князей, ей словно была неведома ревность. Она с ленцой наблюдала за тем, как приручал или покупал их богатыми дарами ее муж. Все эти красивые пленницы не казались ей соперницами. Только одна — та, которая была в видениях... А пока ни одного упрека не слетало с ее уст, потому что Ролло, оставив даже самых роскошных наложниц, всегда спешил вернуться к своей валькирии. И их ночи — в палатке ли, на корме драккара или на мягких ложах в захваченных ими усадьбах — были полны страсти и огня, как в первое свидание, когда Снэфрид первая обняла того, кто не боялся даже гнева конунга Норвегии.

По прошествии четырех лет Ролло выполнил обет, данный матери, и отвез младшего брата в храм Упсалы. Атли за это время вырос, но так и не стал викингом, предпочитая оставаться на драккаре, когда все воины шли в поход. Он не выказывал себя трусом, когда пару раз на драккары нападали с берега, храбро держался и во время морских сражений. Но при дележе добычи его глаза никогда не загорались от вида золота.

Когда же Ролло спросил, хотел бы Атли, как того желала их мать, стать жрецом в Упсале, юноша ответил, что ему это безразлично. Ролло беспокоило, что у его младшего брата вновь начали случаться приступы удушья, порой он даже замечал, как на рукаве Атли, когда тот прикрывал рот, появлялись пятна крови.

В великом святилище в Упсале Ролло отвел брата к жрицам Фрейи, которые славились умением верно предсказывать будущее. Хотя в его отношениях со Снэфрид ничего не изменилось, Ролло в последнее время перестал просить ее предсказать ему нить его норны.

И вот в Упсале, среди священного дыма жертвенников, под звуки песнопений и заклинаний, главная жрица изрекла, что судьба сыновей женщины-скальда должна быть неразделима и старшему лучше лишиться руки, чем оставить младшего брата.

— Ты разгневаешь своих духов-хранителей, герой, если разлучишься с тем, кто вольно или невольно поможет тебе избавиться от чар. Вы, как колчан и ножны, должны всегда быть рядом, — напева-ла впавшая в транс дородная жрица, и Ролло не мог разглядеть ее лица под спутанной гривой черных с проседью волос. — Ты не должен отпускать того, кто единственный не подвластен силе колдовства. Доверься ему, слушай его, храни его. И тогда ничто не собьет тебя с великой тропы, намеченной тебе богами.

Пророчица умолкла, все так же раскачиваясь в отрешенном забытьи. Выждав немного и решив, что их время истекло, братья стали пятиться к выходу. Но едва Атли поднял вышитый полог и вышел, как жрица глухо и тревожно окликнула Ролло.

Викинг замер, и даже кое-кто из распевавших заклинания жриц изумленно умолк. В Упсале считалось событием, если пророчица называла пришедшего по имени. Женщина откинула волосы с подергивающегося лица. На губах ее пузырилась белая пена.

— Ты великий конунг, Ролло, — раскачиваясь, пропела она. — Ты сеятель семян, которые дадут сильные всходы и гибкие стебли, и они станут затем мощным деревом. Ты достигнешь могущества, и от тебя пойдет род героев и королей. И память о тебе останется на века, о Ролло, великий конунг, великий конунг!.. Пльви же по ветру, пльви по ветру, подчинись тому, куда приведет тебя судьба...

Женщина стала заваливаться на спину, ноги ее свело судорогой. В храме кто-то истошно закричал. Ролло почувствовал, как его прошиб холодный пот, и не сопротивлялся, когда его стали настойчиво толкать к выходу.

Опомнился он не сразу. Им овладела эйфория.

— Я всегда знал это, — твердил он, словно в горячке. — Я сразу поверил, едва Снэфрид предрекла мне это.

И он велел немедленно выходить в море, хотя время было не самое благоприятное — шли страшные бури, да и в первоначальные их планы входило немного переждать это время в Упсале. Особенно настаивала на этом Снэфрид. А вот Кетиль неожиданно развеселился. Он стоял у руля, вел корабль мимо берегов и все время чему-то улыбался.

Несмотря на то что все время штормило, они шли несколько дней без остановок, следуя по ветру и двигаясь все время на запад. Наконец решили, что нужно пристать к берегу и пополнить запасы продовольствия и воды. Но тут судьба проявила себя во всей своей мощи. Неожиданно налетел такой ветер, что даже Кетиль не взялся подвести корабль к берегу, опасаясь разбить его о скалы или посадить на мель. Лишь на исходе бурной недели, когда люди на драккарах Ролло уже стали падать от усталости, наступило затишье и они свернули к темнеющей впереди земле.

Не так-то просто было определить, где они находятся. Они высадились на берег среди песчаных дюн, за которыми виднелось безлюдное, уходящее к горизонту пространство с зарослями ивняка и колючих кустарников, карабкающихся на холмы.

— Что это за земля? — спросил Ролло у Кетилия.

И старый морской волк, сверкнув в улыбке зубами, указал на большой каменный крест на холме:

— Смотри, Ролло. Эти кресты много лет назад поставлены императором франков Карлом Великим, дабы охранять эту землю от северных воинов. Но наши боги оказались сильнее их крестов, и здесь викингам всегда сопутствовала удача. Разве ты не видел подобных крестов на берегах фризков и на Рейне? А эти... О Ролло, сын Ролло, наконец-то ты ступил на землю, которая так долго тебя ждала!

— Нет! — почти закричала Снэфрид, и Ролло вздрогнул, ибо никогда не слышал, чтобы его жена повышала голос в обычной жизни. Сейчас же он прозвучал резко и визгливо.

— Нет! — снова повторила она, но уже тише, и умоляюще взглянула на мужа. — Уплывем отсюда, Рольв. Ради нашей любви, ради всех богов Асгарда, уплывем!

Ее белое лицо словно светилось во мраке. Ветер бросал пряди волос на разноцветные глаза. Она неопределенно взмахнула рукой — то ли убирая волосы с лица, то ли вытирая слезы. Ролло замер. Снэфрид и слезы?.. Такого он и вообразить не мог. Хотя... Не показалось ли ему? И все же он был растроган.

— О Снэфрид...

— Прикуси-ка свой язык, белая сука! — внезапно вспыхнул Кетиль. — Разве не ты советовала нам довериться судьбе? Теперь же ты визжишь, словно знаешь, что твои колдовские чары здесь бессильны. Долго же ты водила нас всех за нос! Но не тебе, волчья наездница¹, идти против воли богов. Клянусь молотом Тора, будь моя воля, тебя давно забили бы камнями, как колдунью, надев тебе мешок на голову, чтобы ты, нечисть, никого не сглазила!

Стычки между Кетилем и женой ярла случались и раньше, но обычно Снэфрид держалась с таким ледяным достоинством, что кипятившийся старик Кетиль сам превращался в мишень для насмешек. Но теперь в женщину словно вселился злой дух. Она закричала, что проклятый кормчий специально завлек их на этот берег, а в следующий миг вцепилась в бороду Кетилия, рванула ее с такой силой, что старый викинг мешком повалился ей в ноги. Однако уже через минуту он сам опрокинул ее затрещиной, и они покатались по земле под громовой хохот викингов. Если бы Ролло и Олаф не растащили их, оба схватились бы за оружие.

¹ Волчья наездница — ведьма (кенинг).

— Чтоб тебя сожрали немочи и хвори! — изрыгала проклятия Снэфрид, вырываясь из рук Ролло. — Чтоб ты мочился кровью и спал среди прокаженных! Чтоб ты умер от руки ребенка или женщины!

Оплеуха Ролло свалила Снэфрид на песок.

— Успокойся! Опомнись, Снэфрид! Ведь уже завтра ты будешь жалеть о своих словах. Ты ведешь себя как женщина раба, а не викинга. Будь же разумна и пойми, что мы не можем выйти сейчас в море. И это верно, как судьба.

— Судьба... — тихо повторила Снэфрид. Ветер бросил ей на лицо волосы, и Ролло не увидел бешеной злобы, исказившей ее черты.

Ролло молча пожал плечами и отправился взглянуть, прочно ли закреплены у берега драккары. Кетиль, хмурясь, уже раскладывал у костра провизию, пил, чтобы успокоиться, из меха¹ вино, которое всегда предпочитал пиву. Весельчак Олаф посмеивался:

— Не знаю, что это за земля, но здесь весело.

И тут же принялся сочинять вису о битве девы и старого кормчего. Однако Ролло велел ему заткнуться. Он молча поглядывал то на сидевшего у костра Кетилия с расцарапанным лицом, то в сторону дюн, куда удалилась разгневанная Снэфрид. Оба они были дороги ему, и он глубоко сожалел, что жена и старый друг показали себя такими глупцами.

Вскоре Ролло немного отвлекся, когда двое викингов притащили к костру обнаруженного неподалеку отшельника-христианина. Тот был перепуган, воздевал к небу руки и что-то без умолку лопотал — молитвы, как понял Ролло, имевший опыт общения с христианами. Но старый отшельник вдруг замер, когда Ролло выпрямился перед ним во весь свой исполинский рост. Старик сначала только глядел на него, а потом вдруг назвал викинга по имени.

Ярл опешил, но быстро понял, что его, как обычно, приняли за отца. Отшельник же вдруг стал отчаянно креститься и что-то вопить. Ролло повернулся к Кетилю.

— Ты знаешь язык этих мест? Что он там мелет?

Кетиль засмеялся.

— Он говорит, что Ролло вернулся в эти края и берега великой реки Сены вновь омоются кровью. Поэтому он молит своего распятого Бога, чтобы тот забрал обратно в преисподнюю того, кого называют хозяином нормандских земель.

Ролло хмыкнул.

¹ Мех — кожаный сосуд для жидкости.

— Хозяин нормандских земель! Хорошо звучит... Хей, свяжите-ка его. Сейчас я хочу спать, а утром он понадобится, чтобы сказать нам, где здесь можно найти воду и пищу в дорогу.

Кетиль, который поначалу улыбался, вновь стал мрачнее тучи, однако сам скрутил веревками проливающего слезы отшельника.

А Ролло ушел в ближайшую рощу, где устало опустился на ствол поваленного дерева и вскоре спал так же сладко, как если бы лежал на сеновале или на перине из гагачьего пуха.

...И снился ему мерцающий благодный свет, к которому он шел по узкому ущелью между нависающими темными кручами. Свет становился все ярче, но не слепил, наоборот — вселял радость и покой. И когда Ролло вышел из ущелья, он оказался в солнечном луче и увидел перед собой холм, на котором возвышался каменный крест Карла Великого. «Я знаю это место, — решил викинг. — Я был здесь, когда буря пригнала нас к этим берегам. Это страна, куда привел нас ветер, куда привела меня судьба».

Он слышал шум моря, видел чистое небо и парящих в нем чаек. И еще, словно музыка, звенела вода. Источник на холме играл и переливался, сбегая в круглое озеро у подножия креста, искрился тысячью бликов, журчал мелодичными струями. А Ролло вдруг заметил, что сам он очень грязен, что кожа его покрыта коростой и невыносимо зудит. И тогда он вошел в воду источника под крестом и увидел, как сходит с него грязь, смывается запекашаяся кровь, затягиваются раны на теле. Сквозь чистые струи он видел себя и ощущал необычную легкость и блаженство. И еще — пели птицы. Он видел их вокруг. Их оперение было радужным, и Ролло откуда-то знал, что прежде они были черными воронами Одина, которые, как и он сам, коснулись кристальной воды источника. Они сменили оперение, а хриплое карканье обратилось в нежное щебетание. Птиц становилось все больше и больше, и Ролло почувствовал, что это они за ним прилетели к источнику и именно он сделал эти крылатые создания такими. Их пение радовало его, как тепло, как легкие струи искрящейся воды. И птицы ликовали вместе с ним...

...Он открыл глаза и тут же зажмурился от ударившего в глаза яркого солнечного света. Это было продолжением сна или уже явью? Ему было тепло под лучами солнца, он слышал щебетание птиц в ветвях деревьев, где-то шумело море. Он встал и, стряхнув с себя песок и травинки, пошел туда, где его люди готовили на костре пищу.

— Почему вы не разбудили меня раньше?

Кетиль ответил, что посылал Атли, но парнишка заявил, что брат так крепко и сладко спит, улыбаясь во сне, что он не хочет его будить.

— Мне приснился сон, — задумчиво сказал ярл. — Станный сон. Моя мать, Хильдис, обладала даром видеть вещие сны, и что-то подсказывает мне, что и мой сон был таким же.

Он повернулся и долго смотрел на каменный крест среди дюн. Сейчас крест не был окружен сиянием, как в сновидении, наоборот, в рассеянном свете солнца было видно, какой он старый, потрескавшийся, замшелый, позеленевший от времени. Источника у его подножия не было. И все же Ролло был уверен, что это именно тот крест. С удивлением, словно заново, узнавал он место, оглядываясь вокруг. Небо было затянуто легкой дымкой, густо-синее море вскипало барашками пены на гребнях волн, но ветер был полон ласкового тепла. Рощи вдали казались изумрудными на фоне серебристых песков, высь была наполнена звонкими криками чаек.

— Что с тобой, Рольв? — с тревогой спросил Олаф Серебряный Плащ.

Ролло вздрогнул, словно очнувшись.

— Где Лебяжьебелая? Я хочу, чтобы она растолковала мне мой сон. Но Снэфрид все еще была обижена на Ролло. Держалась спокойно, с достоинством, однако говорить с мужем упрямо не хотела.

Обычно, когда Снэфрид сердилась, Ролло чувствовал себя уютно и всячески пытался загладить свою вину перед ней. Ведь она и впрямь была ему хорошей женой. К тому же Ролло никогда не забывал, чем она пожертвовала ради него. Однако сейчас ее упрямство рассердило ярла.

— Что ж, обойдусь и без твоей помощи. Эй, где тот вчерашний отшельник? Все эти христианские жрецы в бабьих одеждах — колдуны. Я думаю, он сможет дать объяснение моему сну.

Когда отшельника привели к ярлу, он с изумлением вновь стал разглядывать Ролло. При свете дня этот варвар действительно походил на того, кто, подобно опустошительному смерчу, пронесся по Нормандии, но было в нем и что-то совсем иное. Старик вздрогнул, когда викинг с заплетенной в косу седеющей бородой заговорил с ним на нейстрийском наречии франков, и поразился, когда понял, чего от него требуют. Ясно было одно — ему даруют жизнь и даже свободу, если он растолкует сновидение этого молодого хищника. Отшельник кивнул и поднял глаза к небу, как бы прося благословения.

Ролло пересказал свой сон, а затем уселся на песчаную кочку и стал слушать, как Кетиль без труда изъясняется на языке франков. Поистине не зря кормчий получил прозвище Всезнайки. Не было такой земли, куда бы они ни явились — с набегом ли, торговать ли, — где бы Ке-

тиль не смог потолковать с местными жителями. Он обучал языкам и Ролло, частенько повторяя, что после удачливости и умения сражаться для викинга нет ничего важнее, чем знать чужие наречия.

— Итак, что он сказал? — нетерпеливо спросил ярл, когда те наконец умолкли. Франкского языка Ролло почти не понимал, а несколько фраз, которые он разобрал, ничего не прояснили.

Кетиль, сдвинув на переносицу шлем, задумчиво скреб в затылке, а христианин блаженно улыбался и глядел на Ролло с таким восторгом, словно тот, помимо жизни и свободы, даровал ему по меньшей мере сотню рабов и поместье.

— Весьма странно толкует твой сон этот колдун, — проворчал Кетиль. Но, встретив выжидающий взгляд Ролло, продолжал: — Он уверен, что крест на холме — это подобие христианского храма, к которому судьба выведет тебя из мрака. Источник же суть крещение, которое тебя спасет. Раны и грязь — то, что они именуют грехами, худшими из недугов, они могут быть исцелены и очищены в этом источнике, а птицы, которые порхали вокруг тебя, — твои викинги, которые последуют за тобой и также примут крещение.

Ролло захохотал так, что слетевшиеся к становищу чайки с негодующими криками разлетелись. У ярла даже слезы выступили на глазах от смеха.

— Пускай убирается, — вытирая глаза тыльной стороной руки, простонал он. — Изрядно-таки повеселил меня этот вонючий старик. Чтобы я оставил славных богов Валгаллы ради их жалкого божка, который никогда не держал в руках меча и позволил приколотить себя к кресту? Чтобы я променял священное мясо Сехримнира¹ на покаянную власяницу христиан? Клянусь браслетами Одина, никогда не доводилось мне слышать ничего более забавного.

Однако все-таки, когда отшельник ушел, Ролло вновь направился к кресту. Взойдя на холм, он похлопал ладонью крест, как будто пробуя холку доброго коня. Потом оперся на него спиной и долго стоял так, скрестив руки на груди и устремив взгляд туда, где в отдалении виднелись зеленые склепы неглубокой долины, светлели на солнце изломы известковых скал и блестел, извиваясь, ручей.

Викинги долго не обращались к нему, не тревожили его. Их корабли нуждались в основательной починке, да и море еще было неспокойным. Все, казалось, говорило в пользу того, что им следует оставаться здесь. И лишь стоявшая у самого прибоя женщина не хо-

¹ Сехримнир — имя вепря, который оживает всякий раз, после того как бывает съеден обитателями Валгаллы.

тела даже глядеть на этот берег. А ее сила была такова, что она могла настоять на отплытии.

Атли, полулежа на песке, поглядывал то на брата, то на финку. К нему подошел Олаф, стал объяснять ситуацию, но Атли ответил:

— Это все ты должен сказать Ролло, а не мне. Что же касается моего мнения...

Не договорив, он подставил бледное лицо солнцу, прищурился. Потом встал и, утопая по щиколотки в белом песке, пошел к брату. Глядя ему вслед, Олаф лишь улыбнулся. Атли толковый малый, худого Ролло не посоветует. Даже если разгневет этим его женщину.

Ролло не повернулся к брату. И не глядя знал, что это он.

— Что скажешь, малыш?

— Мне здесь нравится, Рольв. Хотя, если ты скажешь... Олаф общил, что поднимается бриз. Мы можем и отчалить.

Ролло глядел вдаль.

— Но сам-то ты предпочел бы остаться, не так ли? Что скажешь мне, мой проводник в Мидгарде?

— Я бы остался, — уверенно кивнул Атли.

Ролло улыбнулся.

— Что ж. Я тоже думаю, не отправиться ли нам вон за те холмы, чтобы проверить, достаточно ли силен распятый Бог христиан, чтобы остановить детей Одина.

И весело подмигнул.

— Итак, Атли, если судьба после Упсалы привела нас сюда — значит, это и есть знак богов. Иди же, порадуй старого Кетилия. Мы остаемся.

ГЛАВА 1

907 год от Рождества Христова

Здоровенный детина зловещей наружности вытряхнул женщину из мешка. Немолодая, тучная, в платье из хорошего сукна, она лежала на земле, связанная крепкими ремнями, с торчащим изо рта кляпом. Широко раскрытые глаза ее с ужасом взирали на склонившихся над ней мужчин. При свете чадящих факелов все они казались ей выходами из преисподней.

Внезапно у нее замерло сердце. Она узнала одного из них — узнала этот обруч с крупными рубинами на совершенно лысом темени, свиса-

ющие по бокам длинные черные пряди до плеч! Она узнала и это властное лицо с орлиным носом, тонкие губы, сильно скошенную треугольную челюсть и массивную, как воротный столб, шею. Даже чересчур массивную для столь небольшой, сухой и породистой головы. Женщина перестала мычать, пораженно глядя на этого человека. Герцог Лотарингский Ренье по прозвищу Длинная Шея! Сейчас он одним махом покончит с грязными бандитами, осмелившимися похитить ее, даму из окружения Каролингов¹. Она прибыла сюда, в Аахен, с двором короля Карла из Западной Франкии, дабы войти в свиту невесты монарха, саксонской принцессы Фрероны. А сегодня утром, когда она вышла из покоев по нужде, кто-то оглушил ее ударом по голове. Когда же она очнулась, разбойники уже волокли ее куда-то, и на нее нахлынул ужас, какого она не испытывала, даже когда пряталась за стенами замков в дни нашествий норманнов. Однако теперь герцог здесь и покарает их! Видя, что Ренье Длинная Шея молчит, она требовательно замычала и засучила ногами, стянутыми под коленями сыромятной подпругой.

— Развяжите ее, — спокойно произнес герцог и отступил, ибо от платья дамы из свиты Каролингов шел едкий запах мочи.

— Светлейший герцог... Светлейший герцог... — задыхаясь, наконец смогла выговорить она, машинально натягивая на колени задрывшийся подол, но не договорила, а тут же отпустила затрещину одному из грубо вздернувших ее на ноги похитителей. — Пес! Вшивая тварь! Я дама из...

Она взвизгнула, получив ответную оплеуху, от которой едва вновь не оказалась на земле.

— Да что же это происходит, о могущественное Небо! Я...

Она осеклась, увидев при свете факелов невозмутимое лицо лотарингского герцога, его искривленные в усмешке губы. До сознания дамы только теперь стало доходить, что ее похитили не без его ведома. Но зачем? Разумеется, она, как и прочие придворные короля, посмеивалась за его спиной, когда стало известно, что король франков отказал Ренье в руке своей дочери Гизеллы. Но ведь не поэтому же ее схватили?... У нее невольно задрожал подбородок, когда она оглядела каменное строение без окон, где ее держали, заплесневелый свод на тяжелых опорах, раскаленные угли в очаге. Дама невольно зажмурилась. Нет уж, лучше не видеть того, как отблескивают у стены разнокалиберные клещи, крюки, кандалы с шипами, бронзовые пилы... Здесь пытаются!

— Благочестивая дама Автгуда...

¹ Каролинги — франкская королевская династия, правившая с 751 года.

— Вы поплатитесь за это! — вдруг истерически взвизгнула она. — Бог свидетель, вы за это заплатите! Я состою в родстве с Каролингами, я провела всю жизнь при коронованных особах... Сама покойная императрица Решильда приняла меня в свой штат, позже моими услугами пользовались обе супруги Людовика Косноязычного¹, я была воспитательницей принцессы Теодорады, покойной сестры нынешнего правителя, а теперь я возглавляю штат придворных дам невесты монарха, ее высочества Фрерыны Саксонской! Не было ни одной особы женского пола при королевском дворе, которая обошлась бы без моих услуг. А теперь сам король Карл назначил...

— Что вы можете сказать о принцессе Эмме? — спокойно осведомился Ренье, опускаясь в кресло у очага и протягивая над мерцающими углями тонкие смуглые ладони. Тяжелые золотые браслеты на его запястьях вспыхнули зловещим багровым блеском.

Дама Автгуда осеклась и взглянула на герцога с недоумением. Да же ее обычное высокомерное выражение сменилось полнейшей растерянностью.

— Ну же, благородная Автгуда! Вы ведь знаете всех особ королевского дома, не так ли?

Она пожала плечами. Медленно сложила руки под грудь.

— Ума не приложу, о ком речь. Здесь какая-то ошибка, и лучшее, что вы можете сделать, — это отправить меня обратно, принеся извинения.

К ней приблизился нотариус герцога, византиец Леонтий, словно сошедший с алтарного образа в соборе Аахена, — в складчатой хламиде, кудрявый, с шелковистой бородкой вокруг мягкогубого рта, с глазами, словно сливы, под прямой линией сросшихся бровей.

— Успокойтесь, многоуважаемая Автгуда! — Голос его был вкрадчивым, с легким иноземным выговором. — Моего господина интересует дочь короля Эда и Теодорады Каролинг, вашей воспитанницы, — мир ее праху. Ну же, Автгуда! Эмма, принцесса Эмма — единственное оставшееся в живых дитя соперника могущественных Каролингов.

Теперь лицо Автгуды вспыхнуло от возмущения. Эмма! Да кто сейчас помнит об этой Эмме? Принцесса, о которой никто никогда не говорит!

— Да откуда же мне знать, клянусь Святой Девой!

— Кому же и знать, как не вам, любезнейшая? Всем известно, что дама Автгуда знает обо всем, что творится в королевской семье. И вы

¹ Людовик Косноязычный, или Заика, — король франков (ум. 879), отец Карла Простоватого, одного из героев романа.

должны, просто обязаны вспомнить все, что вам известно о дочери короля Эда.

Нотарий Леонтий говорил мягко, голос его звучал мелодично, но почему-то от его улыбки даму Автгуду бросило в дрожь. Она взглянула на Ренье. Какие-то путаные обрывки мыслей лихорадочно носились в голове. Липкий страх делал самоуверенную даму жалкой, она испытывала желание упасть в ноги, молить о снисхождении... Но ведомо ли снисхождение тому, кто погубил молодого Цвентибольда, короля Лотарингии? Автгуда вдруг словно со стороны увидела себя здесь — босую, растрепанную, в загаженном платье. И герцога — в подбитом мехом плаще, теплых башмаках на ремнях с пряжками до колен. Кровавые рубины фибулы¹ на плече и в герцогском обруче испускают дьявольский свет... Наверное, так чувствует себя последний раб перед своим господином. Какое уж тут достоинство... И когда один из лохматых мужиков, притащивших ее сюда, забренчал железными орудиями у стены, она вдруг, не помня себя, упала к ногам герцога.

— О светлейший, о всемилостивейший!.. Я...

— Тс-с, — взмахом руки остановил ее Ренье. Он замер, прислушиваясь. В темное помещение посторонние звуки долетали лишь через отверстие в дымоходе над очагом. И сейчас, когда все умолкли, ясно можно было различить трубные звуки охотничьих рогов и лай собак.

— Дьявольщина! Неужели охота движется сюда? — пробормотал Ренье. Он быстро поднялся. Забросил на плечо полу плаща. От этого движения заметались языки пламени.

— Леонтий, препоручаю толстуху тебе. Выжми из нее все, что нам требуется.

Брезгливо оттолкнув цепляющуюся за его башмаки Автгуду, он вышел, громыхнув тяжелой дверью.

После мрака подземелья свет солнечного декабрьского дня ослепил Ренье. Какое-то время он стоял в низкой потрескавшейся арке этой уединенной башни на лесистом склоне, прикрыв глаза рукой. Вскоре послышались шаги, лязг металла, фыркнула лошадь.

— Ваша милость, кажется, охотники погнали оленя к Молчаливой Башне.

Голос говорившего был низкий, чуть хриплый. Ренье убрал руку от лица. Его палатин² Эввар Меченый стоял перед ним, держа под уздцы двух позвякивающих сбруей лошадей. Жесткое лицо с кривым носом, багровый шрам на щеке, из-за которого он и получил

¹ Фибула — декоративная булавка, застежка для скрепления одежды.

² Палатин — придворный.

свое прозвище, длинные, на французский манер, усы, свисающие вдоль рта к подбородку, тронутые сединой волосы и бритый крутой подбородок сильного человека. Когда-то он служил королю Эду, но, оставив службу еще при жизни короля, уехал в Лотарингию, став воином у герцога Ренье Длинная Шея. Он давно доказал свою преданность герцогу, став одним из соучастников убийства короля Цвентibolda. Именно по его совету Ренье похитил даму Автгуду, ибо никто, кроме нее, не мог дать сведений о дочери его бывшего господина, только она — эта старая сплетница, любительница посмаковать альковные тайны коронованных особ.

Молчаливая Башня — низкая, полуразрушенная, с осыпавшимся парапетом, без единого окна — стояла здесь с незапамятных времен, но название свое получила не так давно, когда вокруг перестали селиться люди из страха перед тайным судилищем правителей Лотарингии. Лишь лес да каменистые осыпи на склонах окружали башню. И теперь в этом безлюдье слышались звуки рогов и собачий лай.

Эврар Меченый выразительно взглянул на ведущие в подземелье ступени, а затем кивнул в сторону леса.

— Охота движется сюда, господин. Нехорошо, если поползет слух. Автгуда, конечно, не бог весть какая важная птица, искать ее долго не станут, но король может обеспокоиться, если узнает, что вы были здесь, когда пропала дама его саксонской невесты.

Для Ренье это все было не столь важно. Короля Карла, прозванного его же подданными Простоватым, он не ставил ни в грош. Гораздо больше его волновали германцы, стремившиеся покорить Лотарингию, ссылаясь на капитулярии¹, якобы продиктованные их королем-подростком Людовиком Дитя. По ним этот хилый мальчик становился королем Лотарингии, а его феодалы явно намеревались вторгнуться со своими войсками в богатые земли этого королевства, которое Ренье предпочел бы приберечь для себя. И Ренье, чтобы избежать войны с германцами, пошел на рискованный шаг — принеся уверения в верности королю, пригласил в Лотарингию другого Каролинга — правителя западных франков, поманив его наследием предка, Карла Великого². На самом же деле Ренье просто играл на проти-

¹ Капитулярии — законы и распоряжения королей династии Каролингов.

² Карл Великий — император франков (768—814). Его владения простирались от Испании до Северного моря. Потомки императора Карла заключили в 843 году в Вердене договор, поделив его наследие на три части — на Западно-Франкское королевство (нынешнюю Францию), Восточно-Франкское (Германия) и земли королевства Лотарингии (название шло от имени первого правителя короля Лотаря). В то время Лотарингия простиралась от Северного моря на юг и ее земли лежали

воречиях между западными и восточными Каролингами, желая видеть корону старого короля Лотаря только на собственной голове.

Однако Эврар был прав. Время ссориться с Карлом Простоватым еще не пришло. Поэтому Ренье молча вскочил в седло и направил коня туда, откуда раздавались звуки охоты.

Просторные охотничьи угодья под Аахеном были в серебристом инее. Голодные галки жалобно перекликались среди голых ветвей корявых вязов. Ренье и его приближенный легкой рысью ехали через лес. Герцог покосился на Эврара. Эврар был мелитом — воином-профессионалом. Это становилось ясно при одном взгляде на его фигуру — поджарый, подвижный, уверенно сидящий в седле. Кольчугу он не снимал даже на охоте, а меч Эврара был, пожалуй, не хуже, чем Дюрендаль легендарного графа Роланда. В его рукояти, как утверждал Эврар, была спрятана частица мощей какого-то святого из Нейстрии, а сбрую коня украшали многочисленные талисманы и амулеты, изображающие языческих божков. Ренье не был уверен, что его палатин не язычник наполовину, однако кто из его приближенных мог с чистой совестью называться добрым христианином? По крайней мере, Эврар предан ему, на него всегда можно положиться.

Они спустились в сырую лощину, где сбегаящие со склонов ручьи образовали небольшое озеро с причудливо изрезанными берегами. От воды поднимался пар. Здесь всадники придержали коней. Шум охоты слышался уже совсем близко. Не было сомнений, что она движется в их сторону.

— Почему ты оставил службу у Эда? — неожиданно спросил Ренье. — Я слышал, что те, кто присягали ему, редко изменяли клятве. А ты ушел, когда он был в зените славы.

— Странно, что вас это не заинтересовало тринадцать лет назад, когда я поступил к вам на службу.

— Тогда я был никто, Эврар, и нуждался в любом мелите, имеющем коня и кольчугу. Теперь же я намерен стать королем, а ты мой поверенный и... друг.

Скривив в улыбке губы, он бросил взгляд на мелита. Черные глубокие глаза Эврара сверкнули из-под меховой опушки островерхой кожаной шапки.

— Да, — хрипло проговорил мелит. — Король Эд был великий правитель. Но и жесток был без меры. Даже с Теодорадой, принцессой,

между французскими и немецкими владениями. Долгие годы за Лотарингию шла борьба между германцами и франками.

которая вышла за него вопреки воле Каролингов. Что уж говорить о нас, простых вавассорах¹.

Он прищурился, глядя на блестящий на ветках иней. Его конь нетерпеливо бил копытом, звеня сбруей с побрякушками амулетов.

— Однажды я со своими людьми повеселился в селении одного аббата. Все как обычно. Пили вино из его погребов, задирали подола крестьянкам, жгли хижины крепостных... Аббатиска вроде был из никудышных, да и присягал вовсе не Эду, а Карлу. Однако жаловаться он явился к моему королю. И того словно бес обуял. Кто был ему этот длиннополый поп, а кто я? Но он принял его сторону и ударил меня кнутом при всех, как простого раба, как пахотного черного человека.

Тильной стороной ладони он провел по щеке, на которой багровел шрам.

— У Эда был хлыст со свинцовым шариком на конце. Он распол мне щеку до кости. Я тогда думал, что и глаза лишусь. Эд же только бросил через плечо, что впредь мне будет наука. Этого я ему не прощу и на смертном одре...

Палатин вдруг привстал на стременах, вглядываясь в заросли на противоположном склоне.

— Клянусь духами... Мессир, олень! Взгляните — олень!

Крупная светлая, почти белая, оленуха, вывалив язык и задыхавшись, одним прыжком выскочила из кустов. Замерла на миг, увидев людей, и, откинув голову, рванулась в сторону.

В тот же миг оба всадника, забыв о разговоре, яростно пришпорили коней.

Тихий лес внезапно огласился звуками появившейся из-за холма охоты. Неистово лаяли псы, лошади и всадники, тесня друг друга, с треском ломились сквозь подлесок. Ревели трубы, слышался шум трещоток, улюлюканье.

Оленуха неслась по самой береговой кромке вдоль ручья. Бока ее уже потемнели от пота, она была утомлена и явно стремилась к воде. Ренье и следовавший за ним Эврар поняли это и, срезая по склону путь, ринулись к озерцу.

Две крупные поджарые собаки уже почти настигли несчастное животное, одна из них впилась было оленухе в бедро, но та последним усилием рванулась вперед, с разбегу кинувшись в воду и увлекая за собой пса. Миг — и в осевшем столбе брызг возникли две головы. Жертва, подняв над водой влажный нос, отчаянно плыла к противоположному

¹ Вавассоры — в Средние века мелкие феодалы во Франции, составлявшие личную дружину крупных феодалов.

берегу, собака же вернулась и вылезла на берег, отряхиваясь, но тут же отскочила, уворачиваясь от копыт поднявшегося на дыбы белого жеребца, на котором восседал тучный шумливый человек в белой овчинной накидке и зубчатым венце поверх полотняного капюшона.

— Уйдет, уйдет! — визгливо вопил он. — Эй, лотарингцы, здесь глубоко? Есть брод или надо объезжать?..

Он вдруг осекся, заметив всадников на противоположном берегу.

— Ренье! — закричал он во весь голос. — Ренье, не смейте! Это мой зверь! Королевский зверь!

Герцог обратил на эти вопли не больше внимания, чем на галдеж вспугнутых шумом галок. Спрыгнув с коня и на ходу выхватывая длинный охотничий тесак, он уже спешил туда, где тяжело выбиралась из воды олениха.

Будь это самец-олень, он попытался бы защититься рогами. Но затравленная самка, окончательно лишившаяся сил в холодной воде, лишь рухнула на колени, подняв на охотника огромные, полные слез глаза.

«Почему олени плачут, как люди, перед смертью?» — подумал Ренье, чтобы хоть как-то отвлечься от воплей с другого берега. Рывком опрокинув на спину животное, он придавил его коленом и быстрым уверенным движением полоснул по вздрагивающему горлу, так что клинок рассек плоть почти до самого позвоночника.

— Моя! Моя! Она была моя! — орал король. Ему наконец-то удалось перейти брод, и, соскочив с лошади, он кинулся к трупу животного.

— Вы специально это затеяли, Длинная Шея! Ваши люди нарочно гнали ее сюда, в заранее условленное место, где вы уже поджидали! Вы просто хотели отомстить мне после отказа отдать вам малышку Гизеллу!

Карл невольно отпрянул, ибо герцог шагнул к нему с окровавленным дымящимся тесаком. Король на миг даже лишился голоса, только таращил глаза и отдувался, когда Ренье, притянув его к себе, медленно вытер лезвие о белый мех королевской накидки и хищно осклабился:

— Теперь вы тоже в крови. Как узнать, кто из нас расправился с оленихой? А вы, государь, примите ее от меня в дар. Белый олень — священное животное. В Лотарингии говорят, что это зверь эльфов. Возможно, я уберег вас от мести лесных духов, не позволив пролить ее кровь.

Карл невольно поднял руку для крестного знамения, но, увидев усмешку в глазах Ренье, понял, что его дурачат. Король исподлобья взглянул на герцога.

Карл Каролинг, прозванный в народе Простоватым, мало походил на своих великих предков. Будучи ниже среднего роста, он, еще не достигнув тридцати, заметно располнел, ходил вразвалку, втягивая голову в плечи. Рожденный уже после смерти своего отца Людовика Заики, он, если можно так выразиться, рос на задворках двора. Должно быть, именно с тех пор у него и появилась эта неуверенность в себе, от которой он не мог избавиться и после нескольких лет пребывания у власти. Он словно всегда помнил, что, отстранив его, прямого наследника, от власти, знать избрала королем героя осады Парижа и победителя норманнов графа Эда Робертина Парижского¹. И хотя еще при жизни Эда Парижского Карла тоже короновали, едва он достиг пятнадцати лет, но до самой смерти Эда он не чувствовал себя истинным монархом. Да и сейчас его феодалы мало считались с ним, во многие франкские земли он мог въехать только с разрешения их подлинных властителей. Герберт Вермандуа занял земли между королевским доменом и Фландрией, Вильгельм Благочестивый распорядился в Аквитании, Ричард Отенский считал себя полноправным хозяином бургундских владений, а большей частью Нейстрии правил младший брат Эда — Роберт Парижский, или Нейстрийский, как называли его большинство подданных. Нейстрийский — хотя Нейстрией с незапамятных времен владели благородные Каролинги! А этот засевший на Сене язычник Ролло, который даже не удосужился принять послов Карла, обменивается с Робертом посольствами, словно никакого иного короля и знать не хочет! Унизительно, когда даже варвар не склоняется перед святостью власти Каролингов. Именно поэтому Карл и был вне себя от радости, когда его пригласил герцог Ренье Длинная Шея и предложил свою службу. От торжества Карл даже не придал значения тому, что Ренье замазан кровью Каролинга Цвентibolda. Однако, общаясь с этим лотарингцем, он всегда чувствовал себя словно мышь перед котом.

Вот и сейчас Ренье — высокий, поджарый, с широкими плечами и мощной шеей, с коварной ухмылкой на змеящихся губах, глядит на Каролинга... Карл выглядел жалко — лоб покрыт бисеринками пота, взмокшие рыжеватые кудряшки слиплись, лицо покраснелось, вздернутый нос «уточкой» утонул среди пухлых щек, неопределенного цвета глазки недобро выглядывают из-под тонких, едва обозначенных бровей. Он тщетно пытался придать себе горделивый вид.

¹ В 890-е годы Париж подвергся двухгодичной осаде, во время которой отличились братья Робертины — Эд и Роберт. После победы над норманнами старший из них, Эд, был посажен на трон Франции.

— Почему вас не было на утренней мессе вместе с вашим королем? Вы не присутствовали также при выезде на охоту. Вы действительно поджидали нас здесь? Кстати, и ваш сын Гизельберт не явился приветствовать нас. Неудивительно, что у вас во дворце царят такие порядки! Моя невеста жалуется, что пропала ее статс-дама, благородная Автгуда, и едва удалось подобрать ключи к сундукам с платьями принцессы. Подойдите сюда, любезный граф Альтмар, подтвердите мои слова. Во дворце все с ног сбились, подыскивая, во что бы одеть Фрерону...

Словно ища защиты от Ренье, Карл жался к своему фавориту Альтмару. Уже давно было замечено, что Карл охладил к прелестям дам и все чаще льнет к таким вот рослым крепким придворным. Нынешний его фаворит в считанные недели из простого стража у дверей королевской опочивальни превратился в графа Аррасского. Поэтому знать и настояла на том, чтобы король ради продления рода обручился с саксонской принцессой. Но даже на встречу с невестой Карл прибыл рука об руку с дорогим его сердцу Альтмаром. Сейчас этот новоиспеченный граф лишь тупо улыбался и твердил что-то насчет того, что оленуха и в самом деле слишком светлая и королю, пожалуй, действительно не стоило проливать ее кровь.

Ренье же, проигнорировав слова Карла об исчезновении дамы Автгуды, проговорил:

— Не гневайтесь, что меня не было с вами на утренней мессе. Мне пришлось отлучиться в одно из соседних аббатств, обитель Святой Моники, где покоится прах моей незабвенной супруги Альбрады — да будет земля ей пухом. Ведь сегодня день Богородицы, а в этот день я всегда езжу молиться над прахом покойной жены.

И герцог набожно перекрестился. Однако Карл насмешливо прищурился.

— Как это трогательно, клянусь благостным Небом! Наверное, вы просили у духа своей жены прощения, за то что почти через месяц после ее кончины уже просили руки моей дочери Гизеллы?

Ренье почувствовал, как в нем вскипает злость. Уже второй раз этот коротышка Каролинг при посторонних намекает на его неудачное сватовство. Но он сдержался и, поклонившись Каролингу, вновь сел в седло и поехал прочь в сопровождении верного Эврара.

— Куда теперь? — спросил мелит, когда они отъехали на достаточное расстояние. — Вернемся узнать, как обстоят дела в Молчаливой Башне?

Ренье отрицательно покачал головой.

— Нет. Ты поедешь туда один. Я же двинусь к монастырю Святой Моники. Мне надо показаться там, дабы глупые монахини могли впоследствии подтвердить, что сегодня я молился на могиле супруги.

— А как же Автгуда?

— Ты глуп, Эввар, — отрубил герцог. — Леонтий способный человек и сделает все без меня. Но ты приедешь за мной, когда у вас будут какие-нибудь новости.

Пришпорив коня, он двинулся вверх по склону в сторону монастыря.

Бревенчатая постройка монастыря Святой Моники располагалась на самой вершине холма. Здесь Ренье немного помедлил, глядя вниз, в долину, где, словно жемчужина в открытой раковине, лежал Аахен. Над старыми стенами города поднимался дым от хижин, солнце блестело на крестах храмов, озаряя величественный восьмигранный купол главного собора. Христианский мир по сей день дивился этому чуду, возведенному Карлом Великим из мощного камня и мрамора, когда он избрал Аахен столицей своей империи. Там, под полукруглым сводом базилики¹, среди ослепительных в своем совершенстве колонн покоился прах великого императора. Паломники падали ниц при виде этого великолепия. Впервые увидев гробницу знаменитого предка, Карл Простоватый даже прослезился. Да и сейчас, когда с вершины холма Ренье глядел на купола и коньки крыш города, он испытывал щемяще сладостное чувство. Лотарингия, сердце христианского Запада, колыбель Каролингов! Орел на высоком шпиле главного собора сверкал как драгоценность.

— Все дьяволы преисподней! — вскричал герцог. — Клянусь ликом Господа, я скорее покроюсь проказой, чем уступлю кому-либо этот край! Скорее я сдохну как пес, чем позволю другому надеть корону Лотаря!

Ренье Длинная Шея был глубоко убежден, что достоин этого венца. В его жилах тоже текла кровь Каролингов, и по материнской линии он был внуком императора Лотаря I. Когда-то его отец, простой мелит, возвысился благодаря браку с похищенной им принцессой Эрменгардой. Отсюда и пошло величие рода Ренье. Все, кому посчастливилось породниться с Каролингами, тотчас поднимались на недосягаемую высоту по сравнению с остальными смертными. Ренье же был честолюбив вдвойне. Дерзкая кровь отца-воина сочеталась в нем с безмерным высокомерием его матери. Наследственные земли Ренье ле-

¹ Базилика — вытянутое прямоугольное помещение, разделенное внутри двумя продольными рядами колонн.

жали среди исконных земель Каролингов, его предков. Он был графом Эно, Эсбей и Лимбурга, владельцем нижнего течения Мааса, богатых угодий в Геннегау, Газбенгау, Арденнах, светским аббатом Эхтернаха и Ставло. Он рано почувствовал вкус к власти. Но уж слишком много было тех, кто желал завладеть этими землями, старым королевством Лотаря. Лотарингия! Сколько Каролингов посягали на нее: Цвентибольд, германский король Людовик Дитя, даже этот слабоумный Простоватый. Но Ренье уже давно решил — Лотарингия будет только его. По сути, пока Каролинги спорили о том, кто из них наденет корону Лотаря, Ренье и так стал владельцем этого края. Дело оставалось за малым: ему была нужна супруга, принцесса королевского рода, брак с которой позволит стать на одну ступень с монархами Европы.

Обо всем этом Ренье размышлял, одиноко сидя над гробницей жены. Тело герцогини Альбрады покоилось в маленькой часовне аббатства Святой Моники. Ее воздвигли второпях — стены из неотесанных камней еще пахли сыростью и свежей штукатуркой. Помещение было крохотное — двадцать шагов в длину и пятнадцать в ширину, с единственным окном за алтарем. Скромная поминальная часовня с могильной плитой у алтаря и подставкой в торце надгробия для преклонения колен. Отослав монахинь, менявших масло в лампадах, герцог прочитал молитву и уселся, обхватив колени сцепленными руками. Ему всегда недоставало благочестия. Зато покойная супруга была просто святой. При жизни жены он не уделял ей никакого внимания. Маленькая и неприметная, она стала его женой в тринадцать лет. Ему же было тогда под тридцать. Ренье взял ее в супруги, потому что она была дочерью одного из влиятельных лотарингских баронов, которого герцог стремился сделать своим сторонником. Спустя год она подарила ему сына. Гизельберт был крепким парнишкой, но своенравным и упрямым. Правитель Лотарингии с трудом справлялся с собственным сыном. Вот и сейчас этот паршивец явно пренебрег волей отца, не пожелав явиться в Аахен для свидания с королем Карлом.

Ренье поглядел на могильную плиту, под которой покоилась его жена, и припомнил, что Альбрада родила сына очень юной и с тех пор всегда была слабой и болезненной. Весь остаток жизни она постепенно чахла, посвятив себя богоугодным делам, посещая приюты и жертвуя на постройку лечебниц. Ренье редко навещал вечно нездоровую супругу, благо красивых и крепких женщин для него всегда хватало. Самое яркое воспоминание Альбрада оставила о себе, выкупив его из плена у варвара Ролло. Ренье полжизни потратил на борьбу с этим викингом, бесчинствовавшим в устьях Рейна и Мааса, а когда несколь-

ко лет назад оказался у него в плену и впервые встретился лицом к лицу, то был поражен — насколько же молодым был его давний враг. Ролло был весел, подшучивал над плененным противником и порой извлекал Ренье из выгребной ямы, где держал его, и усаживал с собой за пирашественный стол. Ренье всякий раз с изумлением разглядывал этого свирепого викинга, которого, кажется, знал уже лет пятнадцать. За столом Ролло был дружелюбен, щедр и беспрестанно ласкал красивых лотарингских девушек, которым, похоже, не так и плохо было в объятиях молодого язычника, хотя и поговаривали, что красота жены Ролло не знает себе равных. Но однажды, когда Ролло призвал герцога к столу, Ренье увидел посреди зала свою маленькую, насмерть испуганную жену. В первый миг он едва не зарычал, ослепнув от ярости. Пусть Альбрада ничего не значила в его жизни, но она была его венчанная супруга, мать его наследника, и, обнаружив ее среди викингов, Ренье ощутил почти физическую боль.

Однако оказалось, что Альбрада явилась, чтобы выкупить его.

Позже он узнал, что это был уже ее второй визит к странному викингу Ролло. Впервые она прибыла, предложив в обмен на своего супруга двенадцать сподвижников Ролло, которых Ренье захватил раньше. Среди них был и его знаменитый друг Олаф Серебряный Плащ. Ролло пришел в неопишное бешенство. Он заявил, что герцог будет казнен немедленно, если она не поклянется доставить к нему всех пленных и в двухнедельный срок собрать для выкупа все золото и серебро, какое отыщется в Лотарингии. И маленькая герцогиня сдержала слово. Вместе со сторонниками мужа она объехала деревни и усадьбы королевства, посетила еврейское поселение, отдав в залог земли из своего приданого, не обошла вниманием и монастыри, которым прежде жертвовала немалые богатства. И случилось чудо. Либо Ренье Длинная Шея и в самом деле много значил для лотарингцев и они понимали, что без него их никто не оградит от викингов, либо их сердца были тронуты мольбами и слезами герцогини. Так или иначе, но к указанному сроку Альбрада доставила обещанное, хотя во всей Лотарингии мало кто верил, что эта безумная затея оправдывает себя.

Но свершилось еще большее чудо. Ролло, этот не знающий жалости язычник, и в самом деле освободил Ренье. Более того, викинг отдал назад большую часть привезенных Альбрадой богатств и сказал при прощании (правда, глядя не на Ренье, а на стоящую за его спиной маленькую женщину):

— Ты повеселил мое сердце славными битвами, Длинная Шея. Ты настоящий воин. Поэтому я отдаю тебя твоей жене, возвращаю и по-

ловину того, что она привезла в качестве выкупа за тебя. Давай же осушим мировую чашу и расстанемся друзьями, и пусть между нами воцарятся мир и доброе согласие.

Мир и Ролло? Слишком долго воевал с ним Ренье, чтобы поверить в это. Он молча выпил чашу и уехал, лелея мечту о мщении. Но Ролло и в самом деле увел свою флотилию от берегов Лотарингии и, как позже узнал Ренье, обосновался на берегах Сены, где ныне считал себя полноправным хозяином, изгоняя из своих земель как франкских воинов — законных правителей края, так и соотечественников, осмелившихся не признать власти конунга Ролло. Но Ренье все же затаил злобу на язычника. Не тот был человек Длинная Шея, чтобы забыть, сколько раз побеждал его северный «король моря», чтобы запомнить, как его содержали в выгребной яме или, грязного и смердящего, на потеху викингам выводили к столу. Придет время, и он еще посчитается с Роллоном Нормандским. Теперь же у него другая цель, гораздо более важная.

Ренье протянул руку и погладил холодную гранитную плиту на могиле Альбрады. Господь послал ему добрую супругу. Впрочем, их отношения не изменились и после его выкупа. Она по-прежнему подолгу жила в отдаленных аббатствах, а он носился по стране. Затем она умерла. Как раз тогда, когда он начал всерьез подумывать о новой женитьбе. Не прибереги ее Всевышний так вовремя, Ренье пришлось бы взять на душу и этот грех. Никого не удивила бы неожиданная кончина болезненной герцогини. И все же она ушла сама. Воистину она всегда была хорошей супругой. Мир, мир ее праху.

Ренье же решил свататься к дочери Карла Простоватого. Конечно, Гизелла еще ребенок, но если он женится на ней, то сразу же может примерить королевский венец. И Карлу придется смириться с потерей земель Лотаря, ради того чтобы увидеть корону на голове своего единственного ребенка.

Однако Карл Простоватый оказался не так прост, как о нем говорили. Несмотря на роскошный прием, который устроил ему в Аахене Ренье, несмотря на празднества в честь обручения короля с саксонкой, он не утратил своей постоянной подозрительности по отношению к герцогу. И когда Ренье вечером после пира явился в его покои и попросил руки Гизеллы, Карл, важно устраиваясь на ложе, сказал:

— Дражайший Ренье, разве вам неизвестно, что в роду Каролингов не принято выдавать своих женщин замуж в пределах королевства? И если принцессы не становятся женами властителей иных держав, им следует посвятить себя Богу и отправиться в монастырь. Негоже

смешивать королевскую кровь с кровью вассалов и плодить внутри страны все новых претендентов на трон.

— Но ведь Лотарингия!.. — взорвался Ренье.

— Входит в состав моей короны, — невозмутимо прервал его Карл Простоватый, расправляя в ногах меховое покрывало. — И клятвами в верности вы только подтвердили это.

Ренье был готов удушить его. Пальцы его судорожно сжались, мысленно он уже сдавливал жирную шею обидчика и с трудом сдерживался. Карл отказал ему в руке принцессы, дав этим понять, что Ренье для него всего лишь вассал! Весть о его неудачном сватовстве разнеслась молниеносно. Ренье слышал за спиной смешки, когда шел по запутанным переходам старого императорского дворца. К тому же теперь он понимал, что король догадался о его честолюбивых планах. Брак с принцессой из дома Каролингов... Разве тридцать лет назад граф Вьенский Бозон не добился короны, основываясь на том, что он женат на дочери императора Людовика II Эрменгарде? На юге Франкии таким образом возникло королевство Прованс, или, как его именовали по столице, Арльское. А бандит из Фландрии Бодуэн Железная Рука, который возвысился, добившись титула графа, благодаря тому что перехватил в пути возвращающуюся из Англии вдову англосаксонского короля Юдифь, дочь императора Карла Лысого! Да и пример отца и матери самого Ренье...

Что говорить тогда о франкском короле Эде? Поистине беспрецедентный случай, ведь граф оттеснил истинного Каролинга. Правда, при его избрании королем немалую роль сыграло и то обстоятельство, что его женой стала своевольная Теодорада Каролинг, сестра Простоватого Карла. Женщины Каролингов своей кровью возвышали мужчин, делая их истинными правителями. А Ренье, чтобы сделать последний шаг к венцу, только и нужно было, что сочетаться браком с принцессой. Святые угодники! Никогда еще женщины не играли в его жизни такой роли, как теперь, когда ему перевалило уже за сорок!

Тогда, после отказа в руке Гизеллы, Ренье, возвратившись в свои покои, в бешенстве швырнул о стену редкостное кресло из слоновой кости. Постельничие и пажи, видя гнев своего господина, разбежались, как кролики. Лишь его нотариус грек Леонтий остался сидеть в нише стены, не поднимая глаз от рукописной Псалтыри. И когда Ренье наконец успокоился и вышел подышать воздухом на холодную лоджию дворца, Леонтий мелкими шажками приблизился к нему и, зябко кутаясь в меховую пелерину (грек всегда мерз), негромко проговорил:

— Воистину грешно так убиваться из-за невесты, которой вы и в глаза не видывали.

Мягкий голос, иноземный выговор подействовали на герцога умиротворяюще.

— Что ты понимаешь, Лео, мне была нужна вовсе не эта девчонка, а сам брак с нею. А с ним и возможность стать венценосцем.

— Разве у великого князя нет истинной власти? Разве он не может сам венчать себя на царство?

— Так поступают лишь варвары-викинги. А я наполовину Каролинг. Это ко многому обязывает. К тому же среди моих непокорных феодалов всегда найдутся недовольные властью короля Ренье и, сославшись на то, что я узурпировал власть, призовут в страну любого из ближних Каролингов. Брак же с принцессой сделает меня недосягаемым.

— Понимаю, понимаю...

Леонтий стоял рядом, дуя на мерзнущие пальцы.

— У меня на родине, в благословенной Византии, родство с порфиросцем тоже дает власть. Некогда один из величайших правителей Константинополя, божественный базилевс Юстиниан, даже поднял до трона уличную блудницу, и все хроники в один голос утверждают, что из нее вышла мудрейшая правительница.

Ренье лишь отмахнулся.

— Помолчи, грек. Сегодня меня не развлекают твои басни. Хотя как ты сказал? Она была блудницей? Поистине вы, византийцы, странные люди.

— Вы, франки, тоже. Зачем было, например, ломать редкое кресло, привезенное из сарацинских стран? Не лучше ли вспомнить, что, кроме дочери короля Простоватого, в мире есть и другие принцессы.

Возможно, именно грек и заронил в душу герцога надежду и этим спас короля франков, ибо самые сатанинские мысли роились в тот вечер под голым черепом Ренье. Однако чем больше они перебирали с Леонтием возможные варианты, тем больше герцог впадал в отчаяние. Поистине он родился под несчастливой звездой. При дворах Каролингов в те годы не доставало принцесс. Так, у Людовика Дитя была старшая сестра Эллинрат. Но ее несколько лет назад похитил маркграф Энгельшалк II. Позднее его ослепили, но это не помешало Эллинрат остаться ему верной супругой. Была еще и ее племянница Базина, но она, по слухам, впала в буйное помешательство, ее держат в каком-то подземелье и никому не показывают. В землях же самого Ренье обреталась аббатиса Эрментруда из рода Каролингов. Длинная Шея не убоился бы жениться на ней, хоть ей уже было под шестьдесят,

Літературно-художнє видання

ВИЛАР Сімона
Нормандська легенда
Вітер з півночі
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактор *С. Г. Меркулова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректори *І. В. Набока, О. О. Григор'єва*

Підписано до друку 03.08.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 19,32. Наклад 8w000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61012, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ВИЛАР Симона
Нормандская легенда
Ветер с севера
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *С. Г. Меркулова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректоры *И. В. Набока, О. О. Григорьева*

Подписано в печать 03.08.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 19,32. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Жорстокий час раннього Середньовіччя, коли під мечами сильних і зухвалих кроїться карта Європи...

Ніщо, здається, не може поєднати вікінга Ролло й Емму з Байє. Між ними кров, війна і насильство. Тому їхня дивовижна історія кохання здається ще більш прекрасною...

Вилар Симона

В44 Нормандская легенда. Ветер с севера : роман / Симона Вилар.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 368 с.

ISBN 978-617-12-3883-1

Жестокое время раннего Средневековья, когда под мечами сильных и дерзких кроится карта Европы...

Ничто, кажется, не может соединить викинга Ролло и Эмму из Байе. Между ними кровь, война и насилие. Тем прекраснее кажется их удивительная история любви...

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

СЕРИЯ «НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА»

ВЕТЕР С СЕВЕРА
ПРИНЦЕССА ВИКИНГОВ
ОГНЕННЫЙ ОМУТ
ЛЕСНАЯ ГЕРЦОГИНЯ